

Вещая птица (по)беда

Автор:

Татьяна Коростышевская

Вещая птица (по)беда

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Леди Сирин #2

Татьяна Коростышевская – современная писательница, автор книг в стиле юмористического фэнтези. Её творчество отличают захватывающие сюжеты, яркая любовная романтика и колоритный язык.

Эта книга является продолжением романа «Леди Сирин Энского уезда». Ее героиня Даша Кузнецова – обыкновенная женщина, работающая простым менеджером. Полноватая, с кучей комплексов, но зато – с очень красивым голосом, как... нет, не у оперной дивы – у дивной птицы Сирин. Могла ли подумать Даша, что однажды наяву познакомится с диковинными персонажами сказок? Феи, пикси, ледяные демоны, паладины лета, рухи, альвы, сиды...

Оказавшись в параллельном мире, она осваивается в нём. Влюбляется. Наживает могущественных врагов. Обзаводится друзьями, на верность которых не всегда может рассчитывать. Но Даша справится, потому что есть цель, есть дорога, ведущая к цели, и судьба, не позволяющая свернуть с пути.

Во второй книге события продолжаются. Пока еще нет однозначного ответа на вопрос: «Есть ли жизнь после хэппи-энда?» Финальные фанфары уже прозвучали, мировое зло повержено, и самый главный мужчина в твоей жизни уже твой? Что дальше? Даше Кузнецовой предстоит это выяснить на собственном опыте, а вам ответ даст книга.

Татьяна Коростышевская

Вещая птица (по)беда

Незавершенный гештальт считается главным источником неврозов. Мы всегда хотим что-то доделать, получить, попробовать и если не получаем желаемое... Что говорите? Ну да, в книгах по психологии написано. А сама я не психолог. Точно вам говорю, я вообще птица. Ага, вещая, нет, не синяя. Вам со стороны виднее? А вот не буду спорить! Может там где-то синева и пробивается...

А можно с меня наручники снять? Я уже совсем тихая. Все-все... Спасибо! И водички. Ну чего вы со стаканами мелочитесь, я и из графина прекрасно попью. Угумс...

Это? Вы вот эту женщину имеете в виду? Это моя мама. Да, я в нее такая красавица. Папа у меня тоже ничего, симпатичный, я его, правда, уже лет пять только по телевизору вижу. Он энтомолог, очень известный, да. Член Британского научного общества. Ну бабочек изучает. А мама не изучает. Мама бабочек ненавидит, а заодно и папу. Ну да, в разводе – дело житейское.

Что? Вот этот вот труп? Это мой «бывший». Как не труп? А я так старалась, обидно даже.

И это тоже бывший, ну как бывший – друг. Про френд-зону слышали? Вот из нее он теперь изгнан – пожизненно.

Такая вот я роковая женщина, да...

Нет, он не бабочка, я не настолько сумасшедшая, чтоб с насекомыми дружить. И не мотылек, и не таракан... Он вообще-то пикси. Ага, и женская стрижка так называется. У вашей жены такая? Ну, значит, мы с вами понимаем, о чем говорим.

И не пьяная я несколько, так, слегка навеселе, а чего, дело молодое...

Водички еще можно? Благодарю.

А с этим я не пойду. Нет, и не просите. Я лучше за решеткой до пенсии сидеть буду. Нет! Да плевать мне, сколько он вам заплатил, только наутро наличность проверить не забудьте. А то он запросто вам резаной бумаги подсыпать может.

Что значит аферист? А... Ну возможно... Может, вы его тоже того, арестуете? А то несправедливо получается – преступники на свободе, а ни в чем неповинные вещицы – в руках правосудия.

Чаю выпью, с удовольствием... И с печеньками...

Вы прямо все с самого начала узнать хотите? Да нет, не против. До пенсии времени у меня вагон. Хорошо, записывайте.

Дарья Ивановна Кузнецова, двадцати четырех лет, умница, красавица и спортсменка...

Ну там, по шахматам разряд, юношеский. Олимпийский вид спорта. Считается?

Таак... даже и не знаю, с какого вам момента рассказывать. Сегодня еще с утра ничего не предвещало. Но это потому что я – дурочка наивная, оно же все еще раньше зрело – месяц, а может и два...

Сколько, говорите, до Нового года? Восемь часов?

Да, за это время я успею вам все рассказать. Значит, два месяца назад, в ноябре...

Глава 1. Владение языками со словарем, или Контора пишет

– Этой ночью мы будем делать то, что нельзя.

– Неужели делить на ноль?

– Могу ли я видеть господина Пака?

Мужчина, вошедший в наш офис, осторожно озирался, оценивая обстановку. Лет сорока – сорока пяти на вид. Менеджер среднего звена или чиновник. Что ему могло понадобиться от фирмы, оказывающей магические услуги?

– Господин Пак покинул нас, – серьезно ответила я, не уточняя, что покинул нас пикси для посещения ближайшего супермаркета, а если точнее – кондитерского отдела оногo. – Чем могу помочь?

– А сыновья? – посетитель не желал менять тему.

– Еще не появлялись.

– Ну тогда я подожду?

Угу, годик-другой. Сначала до того светлого момента, когда Бусинка поймает своего отпрыска на горячем, потом уговорит жениться, ну и совсем немного – месяца два, пока счастливая мать сможет назвать своего первенца первым пришедшим на ум словом. Традиции маленького народа были строгими. Например, полное имя Пака было «Ах ты, мелкий пакостник», именно этой тирадой разразилась королева пикси, когда ее сынуля первым делом цапнул ее за грудь. Но всего этого я возможному клиенту объяснять не стала, мысленно пожелав нашему креативному директору, накреативившему чудное название для фирмы, объесться шоколадом до потери пульса.

– Может, пока кофе?

Клиент не возражал.

Я щелкнула кнопкой кофе-автомата, подставляя под ароматную струю тонкостенную фарфоровую чашечку. Фирма «Пак и сыновья» на представительских расходах не экономила.

– Девушка... – осторожно начал собеседник, отхлебнув.

Я изобразила внимание.

– А это все правда? Ну то, что вы в проспектах обещаете?

– Что именно?

Пак настолько рьяно рекламировал наши услуги, что вопросы клиентских ожиданий надо было уточнять сразу.

– Про решение проблем... не совсем обычного свойства?

Я кашлянула, отыскивая правильный голос:

– Конечно, правда. Вас как зовут? Юрий Сергеевич? Чудесно! Расскажите мне, что произошло, мы вместе придумаем, как вашему горю помочь.

Клиент расслабился, потянул за тугий узел серого галстука:

– Дочь у меня...

– Прекрасно.

– Спуталась тут с одним, а он совсем не нашего круга. А она плачет, говорит, любовь... Ну мы – калачи тертые, я к ее дружку пару людей для слежки приставил. Донесли, что он порошок какой-то нюхает постоянно. Я думал, наркотики... а он...

– Вы вещество на анализ принесли?

– Да, – мужчина достал из внутреннего кармана пиджака плоскую пудреницу. – Вот. Но его уже смотрели специалисты в лаборатории. Только руками развели, а потом один знакомый про вашу фирму рассказал, проспект вот...

Из того же кармана мужчина достал потрепанный глянцевый флаер.

– Муторно мне, беспокойно. Дочь у меня одна, кровинушка. А я даже этому мерзавцу слова поперек сказать не могу. А она с лица спала совсем, каждый раз бросить его обещает. Может, он приворожил ее чем?

– Может, и приворожил, – Джоконда вбежала в офис, запыхавшись и сдергивая с плеч невесомое меховое мантио. – Пр-риворожил.

Сирена уже два месяца изучала русский язык с репетитором, но некоторые слова давались ей с трудом. Гламор для облегчения процесса она принципиально не принимала, потому что мозг требует постоянной тренировки, а не костылей. Кроме того, Джоконда посещала два курса по саморазвитию, еженедельные заседания клуба любителей словесности и зарегистрировалась на форуме юных математиков. Я за ее жизненным ритмом просто не успевала.

Клиент посмотрел на стройную порывистую блондинку с восхищением.

Сирена потянула носом, поднеся к лицу пудреницу.

– Привораживает он ее не этим. Это чары сокрытия. Может, у вас при себе фото будущего зятя есть?

Мужчина кивнул, доставая мобильный телефон. Джоконда, видимо, очень спешила, она выхватила у мужчины мобильный, мельком взглянула на фотографию, щелкнула кнопками, отправляя картинку себе.

– Давайте так, сегодня уже не получится. Завтра! Мы побеседуем с вашим бывшим будущим зятем завтра.

– И... это что... все?

– Не все, – вздохнула я. – Вам еще предстоит подписать с нами договор и оплатить услуги в соответствии с прейскурантом...

– Дария-а-а, – пропела сирена. – Не будь нудной. Мужчина нам все заплатит. Правда, мужчина? А дочку свою к морю свозит, чтоб она под солнышком на желтом песочке у голубого океана побыстрее от сердечных страданий вылечилась... Мужчина! Да что ж вы медленный такой?!

Юрий Сергеевич подмахнул договор, почти не глядя, и побрел к выходу, подгоняемый многозначительными взглядами Джоконды.

– Ну, – сирена уселась на освободившееся место для посетителей, – новости у меня безрадостные.

– Что сказали в банке?

– Мы бедны, как церковные мыши. С начала следующего года уйдем в минус, месяца через два придется объявлять о банкротстве.

Да уж, положеньице. Начинали мы на широкую ногу, недавно, между прочим, начинали. В сентябре, когда мы с Паком вернулись из Фейриленда с увесистым мешочком драгоценных камней, нажитых непосильным трудом сквернословия, казалось, о деньгах нам теперь никогда не придется беспокоиться. Но деньги – они как вода – утекали сквозь пальцы с ошеломительной скоростью. Сначала Пак встал в позу, заявив, что аренда офиса нам, великим финансистам, не подходит, поэтому здание, двухэтажный особнячок почти в центре города, нужно выкупить у владельца, потом был сложный дорогостоящий ремонт, потом регистрация фирмы, потом...

– Нам срочно нужен сверхдорогой заказ, а лучше – несколько, – прервала мои невеселые размышления подруга. – Что-то покрупнее, чем одноразовая акция утрашения несостоявшегося зятя.

Джоконда щелкнула кнопкой мобильного, открывая фотографию.

– С этим сморчком проблем точно не предвидится, – она протянула мне телефон. – По обычной схеме отработаем – я его завтра встречу и объясню, что использовать в своих целях трепетных хумановских дев чревато.

С экрана улыбался самый обычный молодой человек – темноволосый, с носом картошкой и мутноватыми карими глазами. Лет тридцать, наверное, или двадцать, или... Я моргнула, изображение пошло волной. Улыбка у нашего объекта была замечательная – широкая, открытая, уверенная, в глубоко посаженных глазах светился ум. Я еще раз моргнула.

– Следствие чар сокрытия, – сообщила Джоконда. – Представляешь, сколько там гламора используется, если даже на фото эффект заметен?

Я прищелкнула языком. Гламор стоил дорого, очень дорого. Его доставляли из Фейриленда, где местные алхимики занимались производством волшебного порошка, доставляли небольшими партиями, в нашем мире вещество теряло большую часть своих свойств, но даже того, что оставалось, хватало для колдовства мелким фэйри или даже некоторым людям, посвященным в тайны мира фей.

– Давай не будем торопиться, – я переслала фотографию себе и вернула Джоконде телефон. – Сначала попытаемся у поставщиков гламора что-то про объект разузнать.

– У тебя предчувствие? Видения были?

Я слегка покраснела. До того, как полгода назад я отправилась с Ларсом в Фейриленд, моими видениями можно было запугать до икоты население небольшого городка, тогда я с легкостью предсказывала беды и горести, подстерегающие меня и моих друзей, и даже помогала их избежать. Но, видимо, инициация в волшебных водах Арканкама привела мои провидческие способности в негодность. Видений с тех пор у меня не было. Совсем.

– Видения, привидения... – входная дверь открылась автоматически. Наш креативный директор в силу своего крошечного размера самостоятельно ее толкнуть не мог, но датчики движения, установленные в правильном месте, способны и не на такие чудеса.

– Глупости все это.

Пак прожужжал к кофе-автомату, сунул нос в сахарницу и, причмокивая, вытащил из нее белый кубик рафинада.

– Отчитывайтесь, работнички. Начальство на месте.

Я поднялась из-за стола и сдернула с вешалки теплую зимнюю куртку.

– По дороге отчитаюсь. Идем, Пак. Ты говорил, всех местных распространителей гламора знаешь?

– И что?

– Познакомиться хочу.

– Если тебе гламор понадобился, лучше у Ларса попроси, своей девушке он не откажет.

– Нам не порошок нужен, – Джоконда собирала со стола грязные чашки. – А впрочем, можно и Ларса привлечь. Скорее всего, интересные нам личности у него в клубе время проводят.

Я пожала плечами. Ларс с самого начала к нашей затее с фирмой отнесся неодобрительно. В его фейских мозгах, испорченных столетиями домостроя, не укладывалось, что официальная подруга такого мужчины (последние два слова следовало произносить с придыханием, закатив глаза) может захотеть работать.

– Малыш, тебе не хватает денег? Возьми в сейфе. Почему ты не используешь мою банковскую карту? Не хочешь пройтись с подругами по магазинам, тряпочек прикупить?

Мне не хотелось. Да и с подругами у меня было не густо. Жанка, в рекордные сроки выскочившая замуж за темнокожего Алишера, унеслась в Фейриленд, а заниматься шопингом с Джокондой чревато нервными срывами и углублением и без того немаленького комплекса собственной неполноценности.

Пак время от времени заводил со мной пространные беседы на тему места женщины в современном обществе. Но я-то знала, что моим жизненным выбором маленький нюхач очень доволен.

Погода была противной – моросил ледяной дождь. Я поежилась, набрасывая на голову капюшон. Пак щелкнул пальцами, раскрывая над нами прозрачную водоотталкивающую сферу.

– Рассказывай.

Я перешла улицу и повернула направо – к козырьку автобусной остановки.

– Клиент подозревает, что его дочь приворожили...

Во внутреннем кармане куртки завибрировал мобильный. Я остановилась, возясь с застежкой, Пак пролетел чуть дальше, унося за собой сферу. В лицо ударил сноп ледяных брызг.

– Слушаю, – громко проговорила я в трубку, съеживаясь, чтоб укрыться от дождя. – Да, Дарья Кузнецова... да...

– В чем дело? Ты чего так побледнела? Дашка, что стряслось?

Я, нажав на отбой, молча набрала телефонный номер:

– Здравствуйте. Мне такси, пожалуйста. Побыстрее. Да, центр, фирма «Пак и сыновья». Куда? В главную городскую больницу. Спасибо, жду...

– Дашка! Не молчи.

– Наша пациентка пришла в себя, и, если мы с тобой не поторопимся, непорочная Руби, запертая в старушечьем теле... даже не знаю, что она там сможет устроить.

Пак присвистнул:

– Неожиданно. А почему из больницы позвонили именно тебе?

– По кочану.

Я молча села в подъехавшую машину, Пак юркнул мне на плечо, забираясь под воротник, то ли экономя на чарах невидимости, то ли воспользовавшись моментом цапнуть меня за ухо. Свои замашки гламурного кровососа пикси бросать не желал.

В салоне было тепло и одуряюще пахло каким-то хвойным освежителем.

– Так почему именно тебе?

Пак орал мне в ухо, не стесняясь посторонних. Тем более что посторонние в своих музыкальных пристрастиях были незатейливы и шансон предпочитали слушать на полной громкости.

– Потому что если человек выходит из комы, первым делом звонят его опекуну, – раздраженно ответила я.

– С каких пор ты ее опекун?

– С тех самых, как ее в особую палату перевели.

– То есть ты, – обвиняюще продолжил Пак, – невзирая на наше бедственное финансовое положение, платила за то, чтоб...

– Да.

Я подумала, что теперь у Пака есть прекрасное оправдание вцепиться мне в горло.

До больницы мы доехали в считанные минуты.

– Руби – опасная психопатка, она хотела меня убить.

– Ну не убила же, – я расплачивалась с водителем, поэтому отвечала одними губами. – Может, я второй шанс ей дать хочу.

– Почему? Ну почему ты не позволила ей спокойно коньки отбросить? Анна тебе точно спасибо не скажет. А вдруг Руби захочет обратно свое тело вернуть? Вдруг это у нее получится, а Господин Зимы сразу подмену не распознает и...

– Ты такие вещи записывать должен, – назидательно проговорила я, уверенно шагая к украшенному портиком и колоннами главному входу. – Вдруг потом в жизни пригодится? Вот разоримся, будешь сценарии к сериалам писать, а я смогу, например, в переводчики податься. Великий дар Фэйрилэнда – владение языками.

– В переводчики она пойдет, – принял смену темы разговора Пак. – Ты замуж сходи для начала.

Здание больницы было старым, даже, скорее, старинным. В прошлом оно было особняком какого-то энского купца, но пристройки и надстройки, возводимые над ним по мере необходимости, изменили дом до неузнаваемости.

Коридорчики, лесенки, переходы напоминали игровой лабиринт, куда для развлечения запустили людей в белых халатах и играющих за другую команду больных. Помнится, первый мой визит в это заведение закончился полной дезориентацией, приступом паники и пленением молоденького ординатора, крахмальную грудь которого я орошала слезами, умоляя вывести меня на свежий воздух. Если бы юный падаван тогда меня послушался, сейчас мне не пришлось бы нестись к палате, расстегивая на ходу ставшую жаркой и неудобной куртку.

Зачем я вообще туда пошла? Это вопрос вопросов. Никаких обязательств перед женщиной, лежащей в этой больнице под именем Анна Степановна Стоянова, у меня не было. Баба Нюра, настоящая, а не та, к которой мы сейчас шли, была моей соседкой – вредной старушкой с первого этажа, эдаким морщинистым созданием с целым выводком кошек, противным голосом и привычкой комментировать длину моих юбок, обратно пропорциональную моему же моральному облику. Но этой весной, когда я попалась на глаза паладинам Лета, разыскивающим последнюю сирену, Анна Степановна тоже невольно оказалась втянута в противостояние фейских домов. Причем почти со смертельным исходом. Руби, жрица Лета, пыталась напитать ее жизненной силой свой амулет Скольженья Душ, но что-то пошло не так, и артефакт поменял их местами. Пожилая соседка оказалась в теле рослой светловолосой фейки, прекрасной, как фарфоровая статуэтка, а Руби... В общем, не удивительно, что до недавнего времени девяностолетняя Анна Стоянова находилась в коме. Я, честно говоря, тоже в нее с удовольствием погрузилась бы, потому что, когда вернулась из Фэйрилэнда с Паком на плече, любовью в сердце и увесистым мешочком драгоценностей под мышкой, мне пришлось с места в карьер разгребать целый ворох проблем. Например, отлавливать и пристраивать в питомник почти одичавших соседских кошек. Кстати, этот самый питомник пришлось сначала организовать, наняв персонал и зарегистрировав на свое имя еще одну фирму, поскольку те питомники, которые существовали в Энске, никакой критики не выдерживали. Потом надо было приводить в порядок разгромленную кошками квартиру, потом отбиваться от выводка дальних, очень дальних и совсем уж «седьмая вода на киселе» родственников Анны Степановны, потому что

квартира почти в центре нашего уездного города оказалась вполне лакомым кусочком. А потом мне позвонил внучатый четвероюродный племянник моей соседки, чтоб сообщить, что бабулю собираются отключить от аппарата жизнеобеспечения, поэтому он придет завтра с полицией и опечатает квартиру. А меня арестуют за мошенничество и попытку присвоения чужой собственности, если я сию минуту не подготовлю для него, внучка, вкусную сумму в красивых зеленых бумажках с мертвыми президентами. Тут я психанула и с банковской картой наперевес отправилась в Главную городскую больницу. А там, сжимая дрожащей ладонью руку ординатора Димы (чтоб не сбежал) и, глядя в спокойное восковое лицо бабы Нюры, поняла, что не могу я ее вот так просто бросить – не могу и не хочу. Вина, ответственность, сомнения раздирали меня на тысячи лоскутков. Пусть будет, как будет, решила я и отправилась общаться с Диминым начальством.

Дверь палаты была полуоткрыта. Я толкнула ее, одновременно отворачиваясь от облачка гламора, который Пак наконец решил использовать.

– Даша, ты быстро подъехала.

Знакомый ординатор Дима попытался вытолкнуть меня корпусом обратно в коридор.

– Что происходит?

Через его плечо я заметила, что в палате полно народа – человек пять, не меньше.

– Там к ней родственники приехали. Тебе придется подождать.

– Мечтаю с ними познакомиться, – я чуть наклонила корпус вперед, не шелохнувшись.

Дима поднажал, подошва моих ботинок скользнула по влажному кафелю...

– Разрази меня... пчела...

Невидимый Пак жужжал у дверной притолоки, у него как раз обзор был приличным.

– Дашка, вырубай докторишку! Тут такое происходит...

Я сделала шаг назад, пригнулась, взмахнув полами куртки и в лучших традициях айкидо, пропустила тело соперника мимо себя. Дима распластался на полу, я осторожно переступила через его ноги и вошла в палату.

– Хуманская полудева Кузнецова, – протянул златовласый фейри, изящно опершись на кардиомонитор.

– От недоделка слышу, – ответила я, четким движением выпихивая ноги незадачливого ординатора за дверь и плотно ее прикрывая.

– Приветствую принца Эмбера, – не дал развить мне тему Пак. – Какими судьбами?

Эмбер изогнул золотистые брови, прищуриваясь, разглядел пикси сквозь гламор и на удивление приветливо ему кивнул:

– Я пришел за старухой. То есть за своей подданной, оказавшейся в теле хумановской женщины.

– Так я тебе ее и отдала!

Настроена я была воинственно. Кроме светлейшего принца дома Лета в палате находилось еще четверо паладинов. Они замерли, ожидая приказаний. Одного, с двумя парами рук, я даже знала, виделись мельком, когда доблестные воины света меня скручивали для последующей доставки к Янтарной Леди, королевы Лета и матушки Эмбера по совместительству. Эсмеральд! Точно, именно так его и зовут. Изумруд. Подданные Лета носили имена драгоценных камней.

На сопровождавших Эмбера паладинах были черные блестящие комбинезоны, пояса украшали боевые жезлы, только принц был одет с чудовищной пышностью – в нечто многослойное, золоченное, делающее его высокую фигуру еще внушительнее. Распущенные волосы струились по плечам, и было непонятно,

где кончается шевелюра и начинается ткань золотого плаща. За то время, пока мы не виделись, маменькин сынок слегка раздался в плечах, но в остальном – как был моделью с обложки глянцевого журнальчика, так и остался. Да еще, кажется, уши проколол. В левой мочке принца болтался грубовато ограненный изумруд. Может, у него роман с Эсмеральдом? Не у камня, разумеется. Сплетни о странных сексуальных пристрастиях наследника дома Лета доходили даже до меня...

– Я должен спрашивать твоего разрешения?

– Что?

Я вообще как-то отвлеклась, напрочь забыв свою последнюю реплику.

– Кузнецова-а-а... Ты меня что, возделеешь?

Два длинных кошачьих шага, прошуршал золотистый шелк, Эсмеральд, повторяя движение хозяина, плавно перетек на другую ногу, готовясь к броску.

Я вытянула руки перед собой:

– Анна Степановна – обычная женщина, если ты попробуешь транспортировать ее тело в Фейриленд...

А кстати, что тогда произойдет, я не знала точно, поэтому просто замолчала, предлагая собеседнику додумать самому.

– Он не собирается отправлять меня домой, – голос принадлежал не бабе Нюре, фея Руби наполнила его глубиной. – Я останусь в вашем мире, пока...

Я оторвала взгляд от холодного лица принца.

– Ты давно пришла в себя?

– Утром. Хумановский юноша в белых одеждах сказал, что я должна быть тебе благодарна?

Я пожала плечами:

– Только в том случае, если ты не мечтала побыстрее очутиться в Лабиринте Душ. Я хорошенько не помню вашу мифологию, но, кажется, это был бы неплохой шанс начать все заново?

Старушечьи губы растянулись в улыбке:

– Не мечтала. Я поблагодарю тебя, девочка, после...

Руби кивнула ближайшему паладину, тот поддержал старушку за плечи.

– А сейчас я хочу уйти со своим принцем, не пытайся меня защитить.

Я кивнула и прижалась спиной к двери. Ординатор Дима не подавал никаких признаков жизни из коридора, и меня начинало это тревожить.

Феям дверь не понадобилась. Один из воинов подхватил Руби на руки, закутав в застиранное одеяльце с больничным штампом, другой описал полукруг жезлом, зажатым в правой руке, и все они без усилий прошли сквозь стену, скрываясь в розоватом мареве.

– Я тебя жду завтра, Кузнецова, – Эмбер повел подбородком, и его охранник протянул мне бумажную карточку с золотым обрезом. – Адрес здесь. Не опаздывай и... оденься поприличнее.

– И какова цель нашей встречи?

Принц засмеялся, противненько так захихикал, даже полы его халата затряслись от смеха:

– Умерь фантазию, я не собираюсь тебя соблазнять.

– Тогда вообще не вижу причин с тобой встречаться, – хмыкнула я, побледнев от злости.

– Я хочу дать тебе работу, Кузнецова.

– Но...

– Торговаться будем завтра, – перебил меня принц. – Я знаю, что тебе предложить, чтоб ты с радостью бросилась выполнять поручение.

Эмбер развернулся и пропал, Эсмеральд, смерив меня на прощание удивленным взглядом, пропал следом.

– У меня только два вопроса, – Пак, все время разговора помалкивающий, теперь требовал сатисфакции. – На какую оплату намекал наш светлейший? И почему он называет тебя по фамилии?

– Потому что иначе называть себя я ему запретила.

Я потянула на себя дверную створку. Ординатор уже сидел на полу, потирая затылок. Надеюсь, следствие колдовства, а не черепно-мозговая травма. Пак терпеливо переждал диктуемые ситуацией извинения, ахи и охи, прикладывание к пострадавшему затылку холодного компресса сердобольной медсестричкой, мои путанные объяснения про неловкость и скользкий кафель. Дима ничего не помнил, что радовало меня несказанно. Поэтому, воспользовавшись неразберихой и тем, что юбка медсестры заканчивалась там, где начинались подвязки ее чулок (Дима не сводил с этих подвязок замороженного взгляда), я покинула больницу.

– Так что там с оплатой? – возобновил допрос Пак, когда мы уже нырнули в душный салон такси.

– Единственное, что заставит меня работать на Эмбера – это возможность снять рабский ошейник с моего мужчины, – прошептала я. – В противном случае я и пальцем не пошевелю.

Глава 2. Непевчая птица, или Пополним Энский бестиарий

Помните, изюминка – это в кексе, в человеке – психическое расстройство.

NN

Ночной клуб назывался «Ирий» и находился на окраине нашего уездного города, в бывшей промзоне. Владел сим «гнездом порока» Блондин Моей Мечты – ледяной демон Ларс. Поэтому гостем я была здесь частым и всегда желанным.

– Леди Дарья, – поклонился мне дюжий охранник, стоящий у дверей.

– Аурхан, – улыбнулась я, – и тебе не хворать.

Охранниками в «Ирие» работали пещерные рухи – феи, чьей второй ипостасью были огромные птицы, отдаленно напоминающие сов. Люди из них получались тоже крупные – темнокожие красавцы.

Клуб оживал ближе к ночи – зажигалась разноцветная подсветка, музыка становилась невыносимо громкой и навязчивой, люди и нелюди плотно набивались в немаленькое внутреннее пространство, чтоб оставить снаружи все заботы и тревоги. Сейчас «Ирей» был практически пуст. Я кивнула бармену, здороваясь.

– Кофе сварить?

– Не откажусь. Со сливками и сахаром. Мне нужно немного согреться.

Ларс сидел за столом в своем кабинете, просматривая какие-то документы. При виде меня его красивое лицо озарила улыбка:

– Приятный сюрприз.

Я сбросила куртку на кресло для посетителей и, обойдя стол, уселась на колени к своему парню.

Пак фыркнул:

– Сю-сю-му-сю-сю... Голубки! Смотреть на эти безобразия – выше моих сил. Я пока ребят из obsługi поспрашиваю. Ларс, мы, вообще-то, по делу пришли. Дашка тебе расскажет. Вот целоваться закончит и сразу...

Судя по удаляющемуся жужжанию, Пак вернулся в зал.

– Соскучилась? – Ларс провел кончиками пальцев по моей щеке. – У меня на вечер планы.

– Ну тогда я найду, чем заняться, – легко проговорила я.

В конце концов, мы – люди взрослые, уважающие личное пространство друг друга. Не хватало еще мне из-за всяких мелочей расстраиваться.

В дверь постучали. Бармен принес мой заказ – латте с пышной шапкой молочной пены, исходящей ароматным парком.

Я пересела в кресло для посетителей, сделала первый, самый вкусный, глоток, тихонько вздохнула от удовольствия:

– Спасибо, это именно то, что мне сейчас нужно.

Ларс, отложив свои документы, смотрел на меня с умилением бабушки, напихивающей вкусности в любимого внука.

– Пак сказал, у вас ко мне какое-то дело?

– Новый клиент. Нам нужно пообщаться с твоим поставщиком гламора.

– Я сейчас ему позвоню, он подойдет.

– И еще... – я порылась в кармане куртки, доставая мобильный. – Вот этот парень. Ты его раньше не видел?

Ларс взглянул на фото:

– Нет, но я сейчас редко общаюсь с посетителями. Моим ребятам покажи, может его кто-нибудь запомнил. Через полчаса репетиция, ты сможешь поговорить с актерами.

– Хорошо, – я задумчиво вертела в руках ложечку с длинной витой ручкой.

– Ты тянешь время, малыш. Есть еще что-то, что ты хочешь мне сказать, но не решаешься.

Блондин Моей Мечты знал меня очень хорошо. А как иначе? Ведь мы с Ларсом предназначены друг другу. В магической терминологии Фейриленда существует такой термин – пандан – пара на всю жизнь. Мы с Ларсом именно такой пандан и составляли – как две половинки одного целого, как нитка с иголкой, как... как кофе с молоком, как...

– Сегодня я общалась с Эмбером. Ты знал, что он здесь?

Серые глаза Ларса зло блеснули, но голос был спокоен:

– Теперь с домом Лета сотрудничает ковен ведьм, они выполняли заказ Янтарной Леди на перемещение в Энск группы светлых фэйри. Да, я знал.

Я покраснела. Верховной ведьмой местного ковена являлась Елизавета Серова, бывшая девушка Ларса. С ней он встречался еще до знакомства со мной и еще немножко – после. А сейчас я испытывала такую запредельную неконтролируемую ревность... Ларс, почувствовав мое состояние, выбрался из-за стола и присел на краешек кресла для посетителей, обнимая меня за плечи:

– Ты же знаешь, у нас с госпожой Серовой чисто деловые отношения.

– Знаю, – прошептала я, пряча лицо у него на груди, – знаю.

– Как только Джоконда сможет открывать порталы в другие миры самостоятельно, я разорву все контакты с ведьмами.

Нарушить монополию ведьм на порталы было золотой мечтой нашей команды. Теоретически Джоконда нужным даром обладала – она была сиреной,

настоящей, без дураков (не то что некоторые представители чуждых пантеонов, сидящие сейчас в удобном кресле для посетителей и сопящие в грудь своему парню). Ей даже удалось однажды открыть портал в наш мир, когда мы были в Фейриленде. Но там совсем другой уровень фоновой магии – несравнимый с нашим, местным. Может быть, если бы сирена отправилась на поклон к своему сюзерену – лорду третьего дома – Владыке Вод, он смог бы ее обучить. Но, скорее, запер бы в своем Жемчужном Дворце в качестве наложницы. С трудом возродившийся Третий дом требовал увеличения количества подданных. Джоконда в решении демографических проблем участвовать не хотела, я ее прекрасно понимала и не уговаривала. У нее и без того проблем выше крыши – инициация снизила ай-кью Джоконды в половину, а если к этому прибавить опасность обратиться при маломальском количестве воды, попавшем на кожу, неспособность решать самостоятельно простейшие бытовые проблемы, языковой барьер, волшебный голос сирены был небольшой компенсацией за доставляемые неудобства.

Я шмыгнула носом, отстраняясь от Ларса:

– Ладно, проехали. Со своими тараканами я справлюсь, не в первый и не в последний раз мне внутричерепной дезинсекцией заниматься.

– Вот и умница, – Ларс протянул мне бумажную салфетку. – А где ты умудрилась встретить Эмбера?

– Он Руби забирал, фея пришла в себя, мне из больницы позвонили.

– Принц что-то от тебя хотел?

Я пожала плечами:

– Еще непонятно. Но, кажется, дом Лета хочет предложить мне контракт.

– Забудь!

Ларс поднялся с кресла, и я залюбовалась его мощной высокой фигурой. Интересно было бы их с Эмбером рядышком поставить – кто из них выше? Но Ларс в любом случае – гораздо красивее, по крайней мере для меня – точно. А

еще – надежней и... уютней. Вряд ли мне удалось бы достигнуть такого душевного спокойствия в объятиях принца Лета.

Мысли об объятиях с Эмбером заставили меня брезгливо поежиться.

– Если ты хочешь больше работы, новый контракт дам тебе я. Есть несколько дел, с которыми ваша команда вполне справится.

– Это кумовство, – я улыбнулась и покачала головой. – Номинально мы с тобой – конкурирующие фирмы.

Я допила кофе и поднялась, Ларс легко поцеловал меня в кончик носа:

– Не нужно больше видеться с Эмбером. Со своей жрицей он разберется сам, а за все, что он захочет тебе предложить, придется расплачиваться в тройном размере. Ты же знаешь альвов.

Я знала, еще как знала. При всей злокозненности фей, самыми опасными из них были альвы – аристократы волшебного мира. Но еще я знала, что тоже являюсь альвой – леди Третьего дома, по крайней мере – номинально. В Фэйрилэнде меня называли леди Сирин, а лорд темных фейри определил мою ипостась. Я – вещая птица Сирин, что бы это ни значило.

Попрощавшись с Ларсом, я вернулась в зал. Почему мой парень не хотел, чтоб я общалась с принцем светлых, мне более-менее было понятно. Ларс ненавидел альвов, и у него было к этому немало оснований. За свою долгую жизнь ледяной демон немало от них натерпелся. Он побывал в рабстве, бежал в наш мир, где чары подчинения, накладываемые вместе с рабским ошейником, почти не действовали, смог деактивировать ошейник и довольно долго и успешно избегать встреч с бывшим хозяином. Но теперь все было гораздо серьезнее. Эмбер, желающий отомстить мне, выкупил Ларса и в любой момент мог потребовать вступления в свои права. А куда Ларс, туда и я, как нитка за иголкой.

В общем, решила я, что встречусь с Эмбером, а там буду действовать по обстоятельствам. Пока мы в нашем мире, магия ошейника не так уж и сильна. В крайнем случае, мы с Ларсом будем оставаться в нашем мире, пока... Пока что-нибудь не произойдет. Или ишак сдохнет, или падишах помрет.

– Дашка-а-а! – Пак пищал в рабочий микрофон, настроенный на сцене, и звонкий голосок пикси разносился по всему помещению. – Сюда иди!

Под сценой разминался знакомый танцор, я кивнула ему, припомнив, что название расы гладковолосого молодого человека происходит от латинского «инкубус» – «возлежать сверху» – так в средневековье называли распутных демонов. Видимо, распутность Илиаса осталась давно в прошлом, сейчас он был вполне приличным членом общества – воспитывал сына и не встречался более чем с одной барышней одновременно. А весь свой сексуальный жар выплескивал в танце. Илиас Ивашов был самым известным стриптизером нашего города.

– Ты тоже подойди, – скомандовал пикси танцору. – Повтори сейчас Дашке то, что мне говорил.

Я пристроила куртку на край сцены. Почему я верхнюю одежду в гардероб не сдала или не оставила на вешалке в кабинете Ларса? Рассеянная вы стали, Дарья Ивановна, рассеянная и невнимательная.

Мой внутренний голос, как обычно, рубил правду-матку, чем, наверное, невероятно гордился.

– Я вроде слышал что-то про хумана, который гламор скупает, – тенорок Илиаса с трудом перекрывал музыку из колонок. – Ребята удивлялись еще. Обычно же хуманы чарами сокрытия не интересуются – им бы красоту навести или подчинение, или кусочек персонального счастья вдохнуть.

– А чем чары сокрытия от чар красоты отличаются?

– Они сложнее. Максимальный эффект – невидимость, но, если ты не фейри, никакой гламор тебе не поможет.

– То есть у нашего объекта во внешности есть что-то, что он всеми силами пытается не показывать? Рога там или крылья?

Пак расхохотался:

– Дашка, тебя на поворотах заносит. Объект – хуман. Откуда у него крылья или хвост? Ну, разве что... Мутация! В энскую канализацию двадцать лет назад попадают отходы химического производства. В это же время в первом энском роддоме... Мне срочно нужно это записать!

Озабоченно бормочущий пикси улетел в сторону офиса. Кажется, моя идея со сценариями упала на благодатную почву.

– Даша, – Илиас прикоснулся к моему плечу, флюиды инкуба работали на полную катушку, от кончиков его пальцев по моему телу прошла волна тепла и возбуждения.

– Что? – я отдернула руку, от греха, так сказать.

– У тебя фото этого хумана есть? Я хочу взглянуть.

– Ах да, конечно, в телефоне, – я суетливо начала встряхивать свою многострадальную куртку, мобильный был там, в боковом кармашке...

Карман был пуст, я вытряхивала на край сцены распотрошенную пачку жевательной резинки, катышки салфеток, автобусные талончики.

– Подожди минутку, – попросила я парня. – Я, наверное, телефон у Ларса в кабинете забыла. Сейчас я за ним сбегаю.

И, бросив куртку на ближайший стул, я отправилась к Ларсу.

В коридорчике было темно, но дорогу я могла найти и с закрытыми глазами, поэтому уверенно сделала несколько шагов. Дверь в хозяйский кабинет была полуоткрыта, оттуда доносилось какое-то бормотание, но света тоже не было. Пробки у них выбило, что ли? Серебристый смешок, моих щек коснулось дуновение ветерка, волосы на голове зашевелились, но не от ветра, а от подступающего ужаса. Что-то опасное и грозное надвигалось на меня со всех сторон, что-то пахнущее затхлой тиной и вечным сном. Что-то...

– Дашка! – истошно крикнул Пак, вцепившись мне в волосы. – Ты чего подкрадываешься? Тут темень такая, я осторожненько так жужжу, а тут –

громадина! То есть ты! Я чуть не помер со страху. Ларс! Что происходит? Почему так темно?

– Наверное, что-то с проводкой, – голос Ларса звучал хрипло, как будто со сна. – Я как раз искал свечи.

Чиркнуло колесико зажигалки, розоватый теплый свет осветил часть коридора.

– Заходи, малыш. Я думал, ты уже ушла. У нас здесь деловой разговор.

Я выдохнула (если честно, от пережитого ужаса меня слегка трясло) и шагнула в кабинет. Блондин Моей Мечты был там не один. В кресле для посетителей сидела барышня, видимо, тоже из подтанцовки, судя по узеньким кожаным брючкам и ботфортам на высоченных каблуках, блузочка посетительницы тоже поражала воображение – нечто алое, невесомое, с массой оборок и рюшечек и с таким глубоким декольте, что, если бы барышня носила нижнее белье, его было бы видно.

– Я телефон у тебя забыла, – пробормотала я, отводя взгляд от декольтированных прелестей. – Прости...

Мне захотелось плакать. Ларс попытки встать из-за стола не сделал, лишь указав подбородком на журнальный столик, где лежал мой мобильный, мигая значком неотвеченного вызова, и обратился к посетительнице:

– Я все понял, Альбина, иди, работай.

Девушка поднялась, изящно поправляя ворот блузки.

– Да и мы с Дашкой пойдем, – Пак подергал меня за ухо. – Время – деньги, Дарья Ивановна, труба зовет и все такое.

Альбина вышла первой, оставляя за собой шлейф ядреного мускусного запаха (духи – дешевка, намекнуть, что ли, Ларсу, чтоб своей работнице шеста зарплату поднял?). Я поискала взглядом пикси, чтоб озвучить ему свое саркастичное замечание, но Пак ощутимо отстал, я остановилась поджидая.

– Ты чего там?

– Да пару слов хотел Ларсу сказать, – отмахнулся зеленый. – В этот раз ты телефон не забыла?

– Нет.

– А вот если... Ты чего дуешься? Из-за девки этой? Да брось, ты же знаешь, никуда от тебя любовь всей твоей жизни не денется. Вы же пандан, вы же...

– Послушай, – я ловко схватила пикси двумя пальцами и поднесла к лицу. – Я очень тебя прошу не вмешиваться в мою личную жизнь, иначе...

– Что иначе? – кривлялся Пак, поправляя чуть было не слетевшую зеленую шляпку. – Убьешь меня? Сладкого лишишь?

– Иначе нам придется расстаться, мой дорогой нюхач. Я подпишу тебе вольную и ты будешь свободен, отправишься на все четыре стороны, и молись, чтоб не во все четыре одновременно.

Я выталкивала слова почти с ненавистью.

– А ты плюешься, когда злишься, – спокойным тоном сообщил Пак. – Все. Отпускай, я не буду вмешиваться в личную жизнь своей хозяйки. Довольна, леди Сирин? Отпускай, а то крылья еще помнешь.

Я разжала пальцы. Пикси опасно взлетел к самому потолку.

– Не очень-то и хотелось в твоих страданиях разбираться! – пропищал он с безопасного расстояния. – Только когда ты осознаешь, что проблему лучше обговорить с близким человеком, а не держать в себе, может стать поздно.

– Ты зависаешь на сайтах по практической психологии?

– А ты проверяешь историю поисковых запросов? Контролируешь меня?

– А ты счета за интернет видел?

– А ты...

– Да, я видел этого парня в клубе, – сообщил Илиас.

Я и не заметила, как инкуб приблизился и взял из моих дрожащих рук телефон.

– Его Валера, кажется, зовут. Он обычно по понедельникам приходит, когда народа поменьше.

– Спасибо, – поблагодарила я стриптизера, еще раз напоследок метнув гневный взгляд на Пака. – Понедельник у нас сегодня, значит, есть шанс, что этот Валера появится. Можно будет где-нибудь в уголке с ним побеседовать?

– Тебе все можно, – галантно поклонился Илиас. – Я предупрежу охранников.

– Тогда перекинь себе фото и ребятам тоже покажи.

– Хорошо. Кстати, леди Дарья, там тебя кое-кто спрашивает.

– Это к нам главный энский специалист по гламору пришел, – Пак, успевший сделать круг почета по клубу, слегка запыхался. – Пьет он только зеленый эль, я бармена предупредил. Давай, Дашка, включай обаяние, оно все тебе понадобится.

Я стащила с волос заколку и тряхнула волосами. Мы, конечно не настоящие сирены, но тоже кое-что можем.

– Где?

– В VIP-ложе, где же еще, – Пак, забывший нашу недавнюю размолвку, пристроился у меня на плече и азартно дернул меня за мочку. – Зовут Гарбхан. Чтоб ты себе знала, по-ирландски это обозначает «грубый».

– По-ирландски? Ничего себе! А он кто?

– Лепрекон.

– Врешь!

– А вот хамить не надо. Если бы ты вместо ежевечерних страданий изучением местного бестиария озаботилась, знала бы, что лепреконская диаспора в наших краях довольно многочисленна.

Я покраснела. В чем-то мой зеленый друг был прав – разленилась я в последнее время, расслабилась. И, пообещав себе в ближайшее время засесть за учебу, я выдохнула и отправилась в VIP-зону, где на мягком бархатном диванчике меня ждал лепрекон с труднопроизносимым именем Гарбхан.

По дороге встретила меня кружевно-алая Альбина, опирающаяся на барную стойку и держащая в длинных пальчиках бокал какого-то многокомпонентного коктейля. Мы встретились взглядами, девушка смотрела на меня с веселым презрением.

Я первой отвела взгляд. Даже если Ларс мне изменяет, даже если... Я просто не хочу об этом знать. Наши отношения вовсе не так безоблачны, как может показаться на первый взгляд, но сейчас я не могу ничего сделать. Может быть, контракт с домом Лета сможет изменить ситуацию. Значит, я встречу с Эмбером и выслушаю его предложение, хотя, мама дорогая, как мне не хочется снова его видеть! И, кстати, Пак тысячу раз прав – мне нужно с кем-то обсудить мучающие меня проблемы. С кем-то, кто не будет всплескивать руками и давать оценочные суждения, с кем-то вроде Жанки, у которой на все душевные болезни был один проверенный годами рецепт – бутылочка мартини и танцы до упаду.

– Леди Сирин!

Лепрекон поздоровался первым, я решила, что это хороший знак. Нелюдь приподнялся с диванчика и низко поклонился. Ростом лепрекон был с трехлетнего ребенка, очень уродливого и старого ребенка или карлика. Медно-рыжие волосы топорщились на большой лобастой голове, под низкими надбровными дугами прятались хитрые зеленые глаза.

– Сэр Гарбхан! – я поклонилась в ответ. – Счастлива нашей встрече.

Собеседник фыркнул, растянув рот в лягушачьей улыбке, клыкам лепрекона мог позавидовать любой бультерьер.

– Ну так если девушка так счастлива, почему раньше не появлялась? Таки хотелось бы это выяснить.

Я присела на диван, Гарбхан, выждав несколько секунд, устроился напротив. Сейчас нас разделял низкий стеклянный столик, на котором бармен (официанты, видимо, еще не пришли) быстро расставлял пузатенькие пивные кружки с ярко-зеленой жидкостью. Кружек было три. Пак было сунулся к ближайшей, но лепрекон цыкнул зубом и сгреб все напитки к себе. Понятно, значит не судьба мне сегодня попробовать зеленого эля. Гарбхан ловко перевернул в себя первую порцию, крякнул и без паузы опустошил оставшиеся кружки. Он, кажется, даже глотательных движений не делал. Боец!

– Ну так я таки жду! – сообщил лепрекон, вытирая губы рукавом потрепанной адидасовской олимпийки. – Что за интерес имеет светлейшая леди к моей скромной персоне?

– Нас интересует информация, – осторожно начала я.

С лепреконами мне раньше общаться не приходилось, следовало проявить хоть какую-то дальновидность. В магическом мире устный договор имел такую же силу, как скрепленный подписями, если не большую. Всегда существовала опасность пообещать что-нибудь не то, а потом расплачиваться за свою болтливость.

– Но для начала давайте обсудим, что вы захотите взамен.

Гарбхан рассеянно окинул взглядом зал. Я намек поняла, привстала и жестами показала бармену, что три порции зеленого эля требуют подновления.

– Ответьте мне на один вопрос, дорогуша, – побулькивающий элем лепрекон стал вальяжен и исполнился отеческой лаской. – Это таки вы та барышня, которая заставила хуманов поддерживать жизнь одной из паладинов Лета?

Я кивнула, не видя причин ничего скрывать.

– А «Кошачья мята»? Тоже вам принадлежит?

– Это приют для бездомных животных. Просто мне надо было соседских кошек пристроить.

– А персонал вы по какому принципу набирали?

– В смысле? Просто увидела перед баром компанию подростков-нелюдей, наорала на них за распитие спиртных напитков и асоциальный образ жизни, а потом работу предложила. На самом деле проблема фейрийских детей – она важная очень. Потому что если взрослые могут как-то адаптироваться в чужом мире... Я сделала что-то неправильно?

– Да нет, голубушка. Племянник мой у вас работает, тот еще разгильдяй, очень вас хвалил.

– Нет там сотрудника-лепрекона. Я бы знала.

– А гламор на что? – собеседник пошевелил в воздухе крючковатыми пальцами, рассыпая золотистый порошок. – Чары сокрытия, красавица.

На диванчике напротив меня сидел опрятный лысоватый толстячок восточной наружности – с породистым крючковатым носом и влажными чуть выпученными карими глазами.

– Вот чары сокрытия меня как раз интересуют, – чуть расслабилась я. – Вот этот вот хуман, то есть человек...

– Валера, – кивнул собеседник, взглянув на экран телефона. – Покупает только у меня, платит хорошо. Куда ему столько, я не интересовался, но могу спросить.

– Он точно человек?

– Точно, – лепрекон щелкнул пальцами, развеивая морок. – Фоновой магии – ноль.

– А кто его привел? Вы же по рекомендации, наверное, работаете?

– Кто привел... Да Ларс, скорее всего, и привел.

– То есть вы видели, что он под чарами скрывает?

Гарбхан задумчиво покачал головой:

– Нечего ему там скрывать. Я раньше об этом не думал. Знаете что, голубушка, давайте-ка я ваш номерочек запишу, и как только что-то разузнаю, сразу отзвонюсь.

Я написала свой номер на картонном кругляше подстаканника, Лепрекон суетливо попрощался, а я подошла к барной стойке. Ненавистная Альбина уже куда-то ушла, и я попросила у бармена минералки со льдом. Парень, оттиравший руки мокрым полотенцем, с готовностью кивнул:

– Одну секунду.

– Ты же вроде согреться хотела, – Пак осторожно разрывал бумажный пакетик с сахаром.

– А теперь захотелось охладиться.

Я посмотрела на замаранное полотенце:

– Зеленку пролил?

– Почти, – улыбнулся бармен. – Краситель пищевой, стойкий, зар-раза! А как я еще зеленый эль для лепрекона делать должен?

– И как? – мне и правда стало интересно.

– Местное дешевое пиво и краситель, вот и весь рецепт.

Я мысленно выдохнула, какое счастье, что мне мифического зеленого эля сегодня не досталось.

– И что ты об этом думаешь? – облизнул пальцы Пак. – Ну про то, что нашего Валеру Ларс рекомендовал?

– Ларс сказал, что не помнит такого хумана, – я пожала плечами. – Представляешь, какое количество народа тут ежедневно крутится?

– Ну и что делать будем?

– Разумеется, общаться с нашим загадочным Валерой. Сегодня вечером он, вероятно, тоже будет здесь.

Я отвечала рассеянно, меня отвлек неотвеченный вызов на телефоне. Номер был мне незнаком, и я размышляла – перезвонить самой, или подождать, пока неизвестный повторит звонок?

– Короче, будем действовать по обстоятельствам. Может, еще Джоконду с собой возьмем, она в два счета объект очарует, если понадобится.

Мобильный зажужжал, принимая текстовое сообщение, я ткнула пальцем в иконку. СМС с того же номера: «Через час. Бар "Метелица". Не придешь – пожалеешь».

Я нажала кнопку вызова. Сейчас узнаем, кто мне таким странным образом свидания назначает. Но вызываемый абонент был вне зоны доступа.

– Давай туда съездим, – предложил Пак, который тоже прочел СМС-ку. – Может, клиент какой светиться в офисе не хочет.

Я быстро глотнула минералки и надела куртку:

– Хорошо, только спрячься, мы на автобусе поедem. Заодно на такси сэкономим.

– А я тебе давно говорил, пора учиться водить машину. На права сдашь, не будем ни от кого зависеть. Поговори со своим одноклассником, таксист который. Пусть пару-тройку уроков вождения даст, – бормотал пикси, устраиваясь за меховой опушкой капюшона.

Я только согласно кивала – идея мне показалась неожиданно хорошей.

Добрались мы минут за сорок. Просто повезло – не подвел общественный транспорт, а дорогу до заведения я знала прекрасно. Когда-то Дарья Ивановна Кузнецова – умница, красавица и спортсменка – здесь работала. Не в самом баре, а неподалеку – в фирме ОАО «Энские перевозки», так что саму «Метелицу» знала прекрасно. За месяцы моего отсутствия здесь почти ничего не изменилось. Разве что засохла пальма, бессменным часовым стоявшая у окна с незапамятных времен.

В помещении было тепло – обогреватели работали на полную катушку. За дальним столиком сидела женщина в богатой белоснежной шубе. Настолько объемной и белоснежной, что издали посетительница напоминала нарядный сугроб.

– Я съем свою шляпу, – потянул носом Пак. – Какая встреча.

– Говорила тебе, Кузнецова, не придешь – пожалеешь, – женщина откинула капюшон.

Я сморгнула неожиданно выступившие слезы и бросилась ей на шею:

– Жанка! Как же я соскучилась!

Глава 3. Группа психологической разгрузки, или Ба! Знакомые все лица

Как взрослая самостоятельная независимая женщина хочу лечь на пол и рыдать до тех пор, пока все не станет так, как я хочу.

NN

Бар «Метелица» содрогался от приступов смеха. Остальные посетители незаметно рассосались, видимо, не в силах переносить соседство нашей возбужденной и плюющей на приличия компании.

– Алкоголь на сегодня, конечно, отменяется – я за рулем, – вещала Жанка, изящно вытирала пот со лба бумажной салфеткой.

Подруге было адски жарко, но шубу она снять не пожелала.

– Пьянку-гулянку мы устроим вечером, а пока, юноша, чайку нам принесите и пожрать чего-нибудь.

– Мясо на гриле? – подобострастно осведомился официант, определивший в Жанке денежного эксцентричного клиента. – У нас фермерские поставки, все экологично.

– Никакого мяса, – скривилась Жанка. – И никакой экологии. Чего-нибудь супер-вредного, чтоб холестерин... ну на поддоны капал. И чипсов, и орешков, и...

– И тирамису, – пищал из-за сахарницы Пак.

Гламором он не пользовался, поэтому при приближении посторонних объектов начинал метаться по столу в поисках укрытия.

– И тирамису, – записал парень.

– Ты какими судьбами у нас? – спросила я подругу, когда официант отправился выполнять заказ.

– Каникулы у меня образовались. Внуков привезла матушке показать, – отмахнулась Жанка. – Приходи на днях в гости, и тебе покажу.

– Обязательно. С Алишером приехала?

– Нет, он в своем клане остался. Дела там какие-то. Мужчинам клана каникулы не положены. – Жанка опять махнула рукой.

Я поняла, что эту тему она обсуждать не желает и пообещала себе расспросить Арбузову наедине.

– Ну как вы тут без меня, рассказывай. Замуж вышла?

– Нет, – я улыбнулась. – Все ждала, когда подружка невесты из декрета в параллельном мире вернется.

– Правильно, – Жанка бухнула в чашку четыре ложки сахара и с удовольствием отпила. – Ну вот, я здесь, можешь начинать подготовку. На работу устроилась?

– Нет. Я...

– Фирма у нас собственная, – встрял Пак. – Магические услуги и прочая ерунда.

– Хорошо дела идут?

– Да по-разному, – заюлил пикси.

– А в основном плохо, – хмыкнула я.

– Это потому что кто-то деньги на всякую благотворительность тратит.

– Или кто-то не умеет дела вести?

– Ну сама посуди, Жаночка, – Пак Жанку любил нежно, в приватных беседах он называл ее не иначе как «наша монументальная подруга» и мечтательно при этом причмокивал. – Вместо того, чтоб лишние пару тысяч в рекламу вложить, наша святая Дарья приют для бездомных животных открыла. Оборудование выписала дорогое, зарубежное.

– А владелец вашей фирмы ты? – переспросила Жанна.

– Я – креативный директор! – пикси сдернул с головы тирольскую шапочку и отвесил шутовской поклон. – А владелица – Дашка, по крайней мере, по документам.

– Значит это ее дело, куда деньги вкладывать. И вообще, будешь выступать, Дарья Ивановна тебе живо зарплату урежет.

Пак растерянно переводил взгляд с меня на Жанку и обратно.

– А ведь урежу, – я погрозила нюхачу чайной ложкой. – И если здесь персонал хоть чего-нибудь из столовых приборов не досчитается...

Пак понуро достал из-за фалды сюртука ложечку-близнеца моей.

Нам принесли заказ – обжаренные во фритюре сырные снеки (холестерин был виден на них невооруженным глазом), и Жанка благодарно кивнула официанту.

– Ты же понимаешь, все эти отбивные на гриле мне слегка поднадоели?

– Догадываюсь. А мышей не пробовала?

– Ты, Кузнецова, завещание на кого-нибудь оформила? А то, знаешь ли, еще одно слово про мышей, и я за себя не отвечаю.

Я хихикнула. Пещерные рухи, среди которых моя подруга провела несколько последних месяцев, мышей любили, и отнюдь не в качестве домашних питомцев.

Через час нам сменили столовые приборы, потом еще раз. За окном начинало сереть, а мы все никак не могли наговориться. О возвращении на работу я даже не думала. Мне так здорово было сидеть рядом с Жанкой и болтать о всякой ерунде, что я решила сегодня позволить себе расслабиться.

– А он мне и говорит, – Пак травил уже, наверное, сотую байку, – на единорогов охоту мне организуйте. Я, натурально, челюсть на пол уронил. Их же в мире всего пару десятков осталось, животных не жалко? Оказалось, не жалко.

– А ты что? – Жанка комкала в руках салфетку.

– Я другим путем решил пойти. Для охоты на единорогов, говорю, девственница нужна, иначе их, лошадей волшебных, никак не приманишь. И где же я, по-вашему, девственную фею найду? Это редкость, почище единорогов.

И мои друзья в унисон захихикали.

Я потянулась к звонящему мобильному. Оказалось, сработало оповещение, будильник, поставленный еще в больнице на пять вечера. В семь меня ждет Эмбер, а судя по адресу, который оставил мне его подручный на золоченой визитке, добираться до места встречи предстояло через весь город. Значит, семь. Разговора у нас будет минут на двадцать, потом полтора часа на обратную дорогу и часам к девяти я смогу быть в клубе.

– Ребята, – вклинилась я в беседу. – Мне уйти надо. Может быть, вы в «Ирий» переместитесь? Я потом тоже туда подъеду, продолжим встречу.

– Валера же! – хлопнул себя по лобу Пак. – Я и забыл. Жаночка, зови официанта, будем менять дислокацию.

Телефон опять тренькнул – пришла СМС-ка от Джоконды.

Сирена сообщала, что закрывает офис, а документы оставляет на моем письменном столе. Я быстро набрала ответ. По понедельникам у Джоконды были занятия с репетитором, и я пожелала ей удачи.

Мы вышли на крыльцо, сопровождаемые официантом. Видимо, Жанка не поскупилась на чаевые, потому что «приходите еще!» – звучало вполне искренне.

– Что мне делать, если Валера до твоего прихода появится? – спросил меня Пак, когда Арбузова отошла в сторону, чтоб поговорить по телефону.

– Ничего, – ответила я. – Присмотрись к нему – что делает, с кем общается.

– Матушка звонила, – объяснила вернувшаяся Жанка. – Все в порядке, с мелкими она справляется, так что можем продолжать гулянку. Только, Пак, извини, ты конечно, кавалер хоть куда, но я лучше Дашку на ее встречу провожу.

– Я, между прочим, обиделся, – поскуchnел пикси.

– Я тебе шоколадку куплю, – пообещала подруга. – Ты же мужик взрослый, должен девичью душу понимать. Мы с твоей хозяйкой давно не виделись...

– Да все я понимаю, – обещанное лакомство слегка примирило «взрослого мужика» с действительностью. – Только большую плитку, а лучше две, а еще лучше...

– Три! – не стала спорить подруга.

Число «три» пикси очень понравилось, он отсалютовал нам тирольской шляпкой и растворился в сумерках, насвистывая.

– Куда едем? – повернулась ко мне тоже слегка поскучневшая Арбузова. – Я машину на соседней улице припарковала.

Мы неторопливо шли по тротуару. Дождь сменился мелким колючим снегом, я открыла рот, ловя на язык снежинки:

– Что случилось, Даша? – неожиданно сердечно спросила подруга. – Я оставляла веселую, довольную жизнью и собой девушку, а нашла...

– Прибитую жизнью тетку? – закончила я фразу. – Все нормально, Жан, просто кое-какие проблемы.

– Ларс тебя обижает?

– Нет, – я отмахнулась. – Не в этом дело, просто... А давай я первая тебя спрошу? Что на самом деле произошло? Почему ты вернулась?

Мы как раз проходили под зажженным уличным фонарем. Жанка остановилась, развернулась ко мне, воротник шубы сполз с плеча, открывая черную ткань шелковой рубашки.

– Я сбежала, Даша, вот и вся правда. Сбежала из сказки.

На шее Жаны, на ее белой холеной шее багровели кровоподтеки, в форме которых угадывались следы пальцев, от правого уха на ключицу спускалась запекшаяся кровью царапина.

– Кто? – от гнева у меня в глазах потемнело. – Кто посмел? Алишер?

В моем голосе звенела сталь.

– Я раздавлю этого мерзавца.

– Успокойся, – Жанка запахнула шубу и обняла меня за плечи. – Я сама виновата, бросилась в любовь с головой, не узнав правил игры.

– Ты его оправдываешь? – я прикусила губу, чтоб не разреветься.

– Мне нужно было сначала побольше о традициях семейства будущего мужа узнать.

Жанка разревелась, я всхлипнула, из глаз полились слезы:

– Ты главное, к нему не возвращайся. Хорошо? Ты же понимаешь, что такое прощать нельзя?

– Я все понимаю, Кузнецова. Ну или понимала, когда детей своих от него прятала, когда из клана тайно выбиралась, когда искала, кто мне домой поможет вернуться. А что я буду делать, если он организует погоню, если меня здесь найдет? Кто меня здесь защитит?

– Я поговорю с Ларсом. Он даст тебе защиту.

Жанка взяла меня за плечи и отодвинула от себя, чтоб лучше рассмотреть:

– Ты сама в это веришь? Веришь, что ради меня твой ледяной демон предаст их мужское братство?

Я всхлипнула напоследок и вытерла щеки рукавом куртки:

– Я – леди Третьего дома – обещаю тебе свою защиту и покровительство.

Эхо моих слов разнеслось по пустынной улице. Я знала: все, что я сейчас говорю – правда, и знала, что слова мои каким-то магическим образом становятся клятвой – нерушимой клятвой.

– А если твой бывший муж сюда сунется, я его лично в асфальт закатаю, – закончила я уже нормальным тоном. – Поняла?

Жанка улыбнулась и кивнула:

– В машину садись, поработаю сегодня извозчиком. Кстати, как мне теперь тебя называть? Леди Сирин?

– Попробуй, – я потянула на себя дверцу черной аккуратненькой «хонды». – Завещание-то составила?

Жанка упаковывалась в машину в два этапа, сначала приподняла подол своей белой шубы, стянув ее на бедрах, потом села за руль, утрамбовывая свои меха с кошачьей скрупулезностью.

– Мантия тебе эта королевская зачем? – спросила я, когда мы наконец-то тронулись с места. – Синяки скрыть? Так гламор гораздо проще использовать. Или ты ничего с собой из Фейриленда не прихватила?

– Отчего же не прихватила? Только я его весь матушке оставила. Ты представляешь себе, как ее соседи на деток моих среагируют?

– А мама как все восприняла?

– Ну, скажем так, – Жанка лихо подрезала на повороте шикарную тачку – мерседес «эс»-класса, и резко газанула, уходя в другой ряд, – бабушку нашу устраивает, что большинство своих сверстников детки в развитии опережают и хорошо кушают, а то, что любимое блюдо у них грызуны – вообще дело десятое и к ее гордости отношения не имеющее.

– Понятно, – мерседес перестроился вслед за нами, кажется, нас пытались догнать и наказать.

– Ну смотри сама, – подруга преследование заметила и опять вильнула в другой ряд. – Пацанам еще и полгода нет, а они уже ходят, едят самостоятельно, о грудном вскармливании я уже благополучно забыла... Черт!

Мерседес шел за нами будто приклеенный.

– Под сиденьем посмотри, Кузнецова, у меня там бейсбольная бита в газетку завернута.

– Это еще зачем? – я вертела головой, определяя в каком районе города мы очутились и куда бежать, если что.

– В бейсбол поиграем, – Жанка щелкнула ручкой поворотника и с визгом затормозила около обочины. – Команда соперников уже прибыла!

Мерседес припарковался сзади. Я сидела ни жива ни мертва. Хлопнули дверцы, из машины на дорогу выбрался молодой человек спортивного вида и неторопливо приблизился к нам. Жанина отстегнула ремень безопасности и опустила стекло.

– Добрый вечер, – начал парень.

– И вам того же, – холодно улыбнулась подруга.

– У вас фонарь не работает, в поворотнике, видимо, лампочка перегорела.

– Чего? – спросила я, Жанка от неожиданности просто онемела.

– Это очень опасно, – спокойно продолжал незнакомец. – Вы же из машины не можете определить – работает он или нет, значит, моя задача, как участника дорожного движения, вас предупредить.

Я вышла из машины, сохраняя на лице выражение расслабленного дружелюбия. Лампочка действительно не горела, Жанка, следуя моим командам, послушно щелкала рычагом.

– Большое спасибо, – пожала я руку бдительного молодого человека. – Нечасто встретишь...

Как закончить комплимент я не представляла, поэтому еще шире улыбнулась и потрянула его руку.

– Пожалуйста, – в конкурсе на ширину улыбки парень меня обошел бы на полкорпуса. – К сожалению, помочь вам с ремонтом я не смогу, поэтому советую немедленно отправиться в ближайший автосервис.

Я кивала как китайский болванчик, еще минута и мои лицевые мышцы свела бы судорога.

– Хорошего вам вечера, девушки, – бдительный участник дорожного движения вернулся в свою машину.

Пока он заводил мотор, я успела сесть в жанкину хонду и пристегнуться.

– Какой автосервис? – бормотала подруга. – Мы почти на месте, тут буквально два квартала осталось.

– Заводи! – скомандовала я, не отрывая взгляда от отъезжающего мерседеса. – Нам нельзя его упустить.

– Кого?

– Да Валеру же...

Вот удача так удача! Пак ждет наш объект в ночном клубе, а он, оказывается, совсем в другом районе города вечер проводит. Удача, невероятная удача. В машине у него сидели еще трое – лиц я не рассмотрела, но один из них точно был фейри.

Жанка пристроила хонду через два автомобиля от объекта преследования и потребовала объяснений. Я выложила ей все, довольно сбивчиво, но лучшая подруга на то и лучшая, чтоб понимать меня с полуслова.

– Ты на встречу со своим принцем опоздаешь, – тревожно взглянула она на часы.

– Давай так, если он куда-то совсем далеко отправится, мы быстро вернемся.

Жанина Арбузова авантюры любила, поэтому она просто кивнула, соглашаясь.

Нам опять повезло, Валера (а ведь если бы он не решил сделать доброе дело двум бестолковым автолюбительницам, у него бы сейчас никто на хвосте не сидел) свернул с оживленной трассы буквально километра через два, наша хонда осторожненько повторила маневр из крайне правого ряда, для пущей конспирации пропустив какой-то раздолбанный москвич.

Из-за этого дедушки отечественного автопрома мы чуть было не упустили объект. Дорога была асфальтированной, но какой-то заброшенной, по обеим сторонам от нее серели бетонные заборы.

– Территория завода?

– А кто ж его знает?

Москвич свернул к огромным воротам, мы поехали дальше.

– Ты уверена?

– Он же с включенными фарами был, – ответила Жанина и выключила наши, для конспирации.

Мы ползли по темной улочке со скоростью пешехода, я вертела головой.

– Вон они, – первой заметила мерседес Жанка. – Пассажиров он высадил.

– Останавливаемся, дальше пешком.

Мы вывалились из машины, у меня в голове крутилась мелодия из нового голливудского блокбастера, и я застегнула молнию куртки до самого подбородка.

У Жанки, наверно тоже крутилось что-то подходящее к случаю, она методично застегивала шубу на все пуговицы.

– Ты похожа на сугроб, – покачала я головой. – Тебя видно за километр, жди меня в машине.

– Еще чего, – Арбузова так же методично расстегнула пуговицы и, вывернув свое одеяние, опять в него запаковалась.

Подкладка была алой. Я прыснула. Ну хоть что-то. В темноте да издали у нас была масса шансов остаться незамеченными.

Высоченные металлические ворота были приоткрыты, около гигантской створки был припарковал мерседес, я заглянула в салон – ничего.

– Что там может быть? – за забором ничего видно не было. – Ну склад какой-то или еще что?

– Знаешь, что я думаю, Кузнецова? Думаю, ты всю свою студенческую юность из-за жадности профукала. Потому что когда все прогрессивное человечество занималось прожиганием жизни...

Под моим гневным взглядом подруга запнулась и сменила тему:

– Там дворец.

– Какой еще в Энске дворец, ты бредишь, что ли?

– Дворец бракосочетаний, бестолочь. Правда, он еще во времена нашего с тобой студенчества заброшен был, но я уверена, что если мы войдем в эти ворота, очутимся прямо на заднем дворе и наступим или в какое-то дерьмо, или в след кострища, потому что энская молодежь на этом подворье очень шашлыки жарить уважала.

Я пожала плечами, ботинок мне жалко не было.

– Пошли?

– А что ты предлагаешь? Потоптаться у входа и уйти? Вдруг твой Валера там сейчас жертвенную хуманскую деву на алтарь привинчивает? А ты, небось, у девиного папаши и аванс уже взяла. Неудобно получится.

Жанка явно нервничала, на нее в такие моменты невероятная говорливость нападает.

Я не стала слушать дальше, просто нырнув за воротную створку. Жанка пыхтела за спиной, поправляя что-то под шубой. Кажется, кто-то решил все-таки с собой бейсбольную битку взять.

Через минуту я испытала культурный шок. Во-первых, темно не было – двор освещали шарообразные фонарики на кованых ножках, а во-вторых...

Брусчатая дорожка вела от ворот к аккуратному крыльцу, на ухоженных клумбах отцветали поздние осенние астры, в глубине сада угадывалась беседка – изящный шатер, покатые стены которого оплетал вечнозеленый плющ.

– Красота-то какая!

– Сейчас в обморок грохнусь, – спокойно сообщила Жанка.

Я прижалась спиной к воротам, пытаюсь спрятаться в их тени.

– Только попробуй!

– Знаешь такую примету, типа от нечистой силы одежду шиворот-навыворот надевать?

– Ну слышала что-то...

Надо ли уточнять, что диалог велся еле слышным шепотом?

– Короче, Кузнецова, в поганое место мы с тобой попали. Это приманка, для таких вот дурищ, вроде нас с тобой.

Створка за моей спиной, дрогнула и со скрипом закрылась, окружающие нас красоты подернулись маревом, задрожали, как помехи на телевизионном канале городского вещания, и из ряби к нам выступил объект моего пристального интереса – Валера собственной улыбающейся персоной.

– Добро пожаловать, девушки.

Он уверенно приблизился ко мне, протянул руку, взял меня за запястье. Я опустила взгляд – на правой ладони радужно горело... Клеймо? Знак? Руническая надпись?

– Я знал, что она приведет тебя ко мне. Ты же меня искала, сладенькая?

Никакого дискомфорта знак мне не причинял. Ну мерцает и мерцает. А Валера, стало быть, уверен в обратном? Это должно на меня как-то подействовать? Он эту дрянь мне на ладонь во время нашего энергичного рукопожатия пристроил?

– Да, я тебя искала, – люблю говорить окружающим правду, даже если они ее как-то превратно понимают.

– А это вот, – я повела подбородком, – что это?

– Моя метка, – сообщил парень с самодовольной улыбкой. – Ты теперь без меня не сможешь.

Я выдернула руку и попыталась оттереть ладонь о джинсы, ничего не получалось.

– Хочешь стать моей подружкой?

«Ага, сразу после глажки всех шнурков, найденных в обувном шкафчике», – подумала я, но вслух спросила:

– Почему я?

– Мне понравились твои волосы, – парень доверчиво склонился к моему плечу, на обращая на все громче сопящую Жанку никакого внимания. – И я не смог себе отказать. Ты будешь украшением моей...

– Ну ты и урод, мужик, – спокойно сообщила переставшая сопеть Арбузова и без объявления военных действий огрела Валеру бейсбольной битой.

Парень упал на брусчатую дорожку, я присела рядом, он дышал, крови заметно не было.

– Значит, украшением чего я должна была стать, я так и не узнаю, – свирепо подняла я глаза на Жанку.

– У этих вон утырков спросишь, – повела битой в сторону Арбузова. – Готовься, леди Сирин, сейчас начнется.

Я быстро поднялась, придвигаясь к Жанке, видимо ее надетая шиворот-навыворот шуба сейчас служила моей подруге хорошую службу – Жанина внимательно следила взглядом за приближением чего-то, что мне рассмотреть не удавалось.

– Сколько?

– Трое. Здоровые, зар-разы!

Так, быстро Дарья Ивановна, мобилизуй свои умственные способности. Трое! Они были с Валерой в машине. Один из них фэйри, минимум один из них. Кто держит морок? Если гламор, то я ничего не смогу, разве что какой-нибудь промышленный вентилятор приволочь, он бы развеял порошковое волшебство в два счета. А я... Ничего-то я не могу! Это раньше, до инициации – волшебный голос, зачарованный венец, а сейчас – я никто, ноль без палочки, даже обернуться по собственному желанию не в состоянии. А здорово бы было сейчас превратиться в вещую птицу Сирин, она огромная, как дирижабль, она одной своей когтистой лапой может крышу энского собора скovyрнуть, не то что какой-то поганый фейский морок, наколдованный к тому же слабосильным хуманом Валерой.

Над садиком сгущался туман, фонари потускнели, плющ уже не глянцевел своими вечнозелеными листьями, а выглядел щупальцами огромного спрута.

Я почувствовала движение воздуха прямо перед собой и выбросила вперед сжатую в кулак руку. Тьма охнула и отшатнулась. Костяшки обожгло холодом. Ледяные демоны? Жанка закричала, размахивая битой. Звуки ударов разносились в вязкой тишине. Моя подруга дралась на удивление неплохо, скорее всего, за время своего отсутствия она умудрилась взять пару-тройку

уроков по владению дубинкой. Какое-нибудь канабо-дзюцу освоила, с помощью которого благородные самураи усмиряли чернь, чтоб не марать сталь катан кровью простолюдинов.

Кто-то невидимый схватил меня за полу куртки, я завизжала, отбрыкиваясь, споткнулась, упала, стукнувшись коленями, завизжала уже от боли и молотила, молотила руками и ногами, отбиваясь от невидимого соперника.

Жанка охнула, пропустив удар, согнулась, рукав ее шубы пополз вниз, треснув по шву.

«Почему она шубень свою не сняла? Она же сковывает движения, как скафандр! – подумала я раздраженно, и сама себе ответила. – Потому что тогда она видела бы то же, что и ты, Дарья Кузнецова, то есть ничего».

Потом думать времени не осталось, воротник моей куртки с треском отлетел, плотную ткань на груди располосовали невидимые когти, кто-то прижал меня спиной к брусчатке и навалился сверху. Жанка была права, здоровый зар-раза.

Опять затрещала ткань, лохмотья одежды полетели в разные стороны, пуговицы джинсов отскочили. Меня здесь насиловать, что ли, собрались?

Я завизжала еще громче, отталкивая от себя тушу нападавшего. Тяжелая рука закрыла мне рот, я сомкнула зубы на мякоти чужой ладони, кровь была соленой.

– Не трогай ее, – подползал сбоку пришедший в себя Валера. – Она моя...

Воспользовавшись тем, что нападавший отдернул руку, я плюнула вверх, разбрызгивая в воздухе чужую кровь. Капли встретили преграду – лоб, нос – лицо насильника едва угадывалось. Он опять повернулся ко мне, склоняя голову, и я с наслаждением заехала лбом ему в переносицу.

Искры, посыпавшиеся из моих глаз, были небольшой платой за удовольствие от истощающего мужского визга, второй удар был коленом и пришелся он именно туда, куда я планировала.

Нападавший скатился с меня, я перевернулась, встала на четвереньки. Жанка алой смертью носилась по двору за кем-то до сих пор мне невидимым. Кажется, перевес был на нашей стороне. Кто бы мог подумать?

– Именем дома Лета, – раздался громовой возглас.

Жанка еще пару раз крутанула дубинкой и разжала руку.

Оружие по инерции пролетело метров пять, врезалось в преграду с чавкающим звуком, на землю кулем упал огромный поросший волосами питекантроп. Феи – они ведь разные бывают.

Глава 4. Отставной козы барабанщик, или Хорошее дело браком не назовут

Завтра – мифическое место, где ты бегаешь по утрам, живешь полной жизнью и решаешь свои жизненные проблемы.

NN

Меня подняли под руки и куда-то потащили.

После мощной адреналиновой атаки соображала я не очень. Жанка увлеченно материлась где-то позади. Все-таки наш пединститут прививает любовь к родному языку во всех его проявлениях.

– Отдай, мое! – визжал Валера, хватая меня за щиколотку.

Жанина Арбузова ответила за меня – кратко и по существу, и, судя по донесшемуся до меня хрусту, подтвердив свои слова невербально. Ногу мою отпустили и даже жалобно всхлипнули напоследок.

– Давай-давай, Дашка, шевели конечностями, – частила подруга у моего плеча. – Эта тварь волосатая уже в себя приходит.

– Я просил тебя приодеться перед нашей встречей, ты решила наоборот – прираздеться?

Я скосила глаза – под правый локоть меня поддерживал светлейший принц Эмбер собственной нарядной персоной.

– Да пошел ты!..!

Жанка одобрительно хмыкнула откуда-то сверху и сзади. Рыбак рыбака видит издалека, а уж языколюб языколюба...

Я с интересом рассматривала все, что было под ногами (шея просто не поворачивалась) – сначала брусчатые камешки садовой дорожки, зеленоватый кисель портала, мрамор ступеней, потом более темный мрамор коридора... Богато кто-то живет, как я погляжу. Потом, зацепившись носками о довольно высокий порог, я оказалась на чем-то зеленом с разводами. Память услужливо подсказала термин – радиально-волокнистое строение, и я решила, что именно так выглядит малахит.

Меня отпустили, и я кулем рухнула на пол.

Меня опять подняли и поставили прямо. Относительно прямо. Относительно держащего. Штормило меня знатно, остатки одежды сползали, как луковая шелуха под рукой уверенного кулинара, я повела плечами, освобождаясь от лохмотьев. Грязная, полуголая, избитая – не женщина – мечта. Золотистые глаза принца Лета смотрели на меня со скепсисом.

Сам он – свежий и нарядный, как отфотошопленная обложка глянцевого журнала, держал меня за плечи, время от времени встряхивая.

– Они пойдут следом! – сказала Жанка. – Трое или четверо тварей.

– Приведите ее в порядок, – спокойно скомандовал кому-то принц.

Меня подхватили сразу несколько пар рук.

– Я Дашку одну не оставлю, – напирала Арбузова. – А потом вам придется сообщить нам, что вообще происходит.

Эмбер мою подругу просто игнорировал. Искося мне удалось окинуть взглядом большое полукруглое помещение – атласную драпировку стен, возвышение у дальней стены, на котором стоял нелепый трон.

К этому трону принц и отправился, спокойно уселся, расправляя подол своей золотистой мантии, закинул ногу на ногу, полюбовался блестящими носками ботфорт.

– Вы еще здесь? – взгляд золотистых глаз опять остановился на мне.

Окружающие засуетились, меня резко дернули и опять потащили. Эсмеральд (обе пары рук принадлежали ему) отдавал команды гортанным голосом. Еще один порог. За дверью оказался длинный коридор, по которому навстречу к нам бежали две блондинистые красотки с минимумом одежды на смуглых телах. Заслуженные работницы гарема, не иначе.

– В спальню, – пропела ближайшая девушка. – И подготовьте для леди ванну с лечебным гламором.

– Руки от нее убери, – Жанка прикрыла меня своим телом. – Ни слова не понимаю, что ты там лепечешь, но ушатаю с разворота.

– Поздно уже ушатывать, – голос меня не слушался, срываясь на девчачий писк. – Она хочет отвести нас в спальню, видимо, для лечения.

– Понятно, – подруга перехватила меня у Эсмеральда. – Война закончилась, всем спасибо. Мы дальше сами справимся. Ты вот! Да, ты – смазливая! Показывай, куда идти.

Блондинистая фейка перешла на русский.

– Пожалуйста, леди – направо, осторожно, тут ступенька...

Гласные она растягивала с нечеловеческой напевностью. Я подумала, что мой фейский подарок – автоматическое понимание любого языка – можно было бы для какого-нибудь полезного дела использовать, в синхронные переводчики податься, например. Или я об этом уже сегодня думала? Меня тошнило, глаза пришлось прикрыть, карусельное мельтешение раздражало.

Как меня раздевали, я не почувствовала. Пришла в себя, только когда горячая вода дошла до подбородка.

– Под голову ей что-нибудь подложи, чтоб не захлебнулась, – командовала преодолевшая языковой барьер Жанка. – Вторая ванна кому? Мне? Да я в порядке, и не такие кульбиты выделявала. И коня на скаку и в горящую избу... Ну ладно, ладно. Давай... Сама разденусь. Бульк! Уммм... Хорошо-о-о... Кузнецова-а! Ты там жива?

– Частично, – я открыла глаза.

Клубы пара поднимались к невысокому сводчатому потолку, по правую руку от меня стояла легкоодетая феечка с махровым полотенцем наперевес, по левую – плескалась Жанина Геннадиевна Арбузова, успевшая заколоть свою иссиня-черную шевелюру на затылке.

– У меня только один к тебе вопрос, – Жанка ладонью убрала с лица выбившиеся из прически прядки. – Что б ты без меня делала, хлипкая ты наша?

– Наверное, просто никуда не полезла бы?

– Ты на меня сейчас пытаешься вину переложить?

– А ты чувствуешь себя виноватой?

Это была наша любимая с Жанкой игра – отвечать вопросом на вопрос. Проигравший обычно покупал вкусняшки на всю честную компанию. Но сейчас подруге было не до развлечений.

– Зря я твоего Валерика пожалела. Надо было его добить.

– Расспросить его надо было сначала, – покачала я головой.

То ли от горячей воды, то ли от лечебного гламора туда добавленного, но мышцы потихоньку начинали приходить в норму, даже боль в затылке куда-то ушла.

– О чем его расспрашивать? Он же псих! Метки-привороты, амбалы эти волосатые. Бррр!

Я подняла руку к глазам. Метки на ладони не было. Хорошая новость.

– Я помогу леди одеться, – ожила феечка с махровым полотенцем. – Принц ждет вас в зале для аудиенций.

Что ж, понежиться подольше не удалось. Не страшно. Когда все закончится, я вернусь домой, запру дверь на два оборота ключа, законопачу окна, чтоб Пак не пробрался в какую-нибудь щелочку, наберу горячей воды в свою замечательную двести сорока пяти литровую (по ГОСТу) ванну и...

– Телохранитель может сопроводить вас, леди Сирин.

Жанка вынырнула, отфыркиваясь (пропадай укладка!):

– А тряпочку какую-нибудь помоднее на тело телохранителю отыщешь? Только, чур, прошлогоднюю коллекцию не предлагать!

Ну хоть кто-то удовольствие от всего этого балагана получает – многодетная мать Арбузова. Нет, я ее, конечно, не осуждаю – неизвестно, как у самой карта ляжет, но...

Я завернулась в махровую простыню и проковыляла к мягкому глубокому креслу, стоящему у камина. Помещение, где меня приводили в порядок, ванной не было – скорее какой-то смесью гардеробной и будуара. Комната была полукруглой, с бессистемно расставленной мебелью. Окно закрывала плотная золотистая драпировка, зеркало, украшающее глухую стену, подсвечивалось яркими лампами, дальше стоял туалетный столик, кушетка, еще одна кушетка.

Феечка хлопнула в ладоши, с десяток хорошеньких девушек вошли в двери, поклонившись нам с Жанкой.

Подруга, успевшая натянуть махровый халат и сейчас энергично пытающаяся высушить волосы полотенцем, солидно поклонилась в ответ.

– Мы не можем много колдовать в вашем мире, – как бы извиняясь, сказала наша опекуна. – Поэтому большинство бытовых проблем приходится решать с применением физической силы.

Она опять хлопнула в ладоши и девушки, легко приподняв обе ванны, вынесли их в коридор. Сразу стало просторнее.

– Как ваше самочувствие, леди Сири? Принц приказал сопровождать вас, как только вы сможете самостоятельно передвигаться.

Я прислушалась к себе. Все было замечательно. Впрочем, как и с Жанкой. Арбузова охала и ахала перед зеркалом, распахнув на себе халат. Ее безобразные синяки сошли без следа.

– Как вас зовут?

Гаремная она там работница, или еще какая, это не повод быть невежливой.

– Бирюза, – девушка поклонилась.

Хорошенькая, черт! Наверное, каждый день к своему принцу в спальню ходит. А может и не одна, Эмбер у нас тот еще любитель... Даже профессионал, можно сказать.

– О, Кузнецова, тут и фен есть! – Жанка времени не теряла, устроив блиц-обыск ящичков ближайшего комода.

– Я единственная в резиденции говорю на вашем языке, – напевно продолжала Бирюза. – Но, если леди пожелает, я позову других девушек в помощь.

– Меньше народа – больше кислорода, – Жанка включила фен. – Сами разберемся.

Я поднялась с кресла, потянулась. Прекрасно! Чувствовала я себя как после хорошего восьмичасового сна.

Бирюза хлопнула в ладоши, в комнату вошли девушки, нагруженные одеждой. Подруга сразу же отправилась к обновкам.

– Что бы вы хотели одеть? – предупредительно поинтересовалась Бирюза.

– Не одеть, а надеть, – все-таки Арбузова учительницей в школе работала. – Одеть – кого, надеть – что. Запомни, раз уж язык изучать собираешься.

Бирюза мило покраснела:

– Спасибо...

Кажется, посольство дома Лета обчистило ближайший энский бутик. Одежда была несезонной, мужской и женской вперемешку. Я отыскала в завале пластиковый пакет с нижним бельем, джинсы и серый трикотажный свитер. Обувь, как и носков, на кушетке не обнаружилось, поэтому через две минуты я стояла перед зеркалом полностью одетая, но босиком. Что-то делать с волосами настроя не было, я просто расчесала их пальцами, чтоб перестали быть похожи на сосульки, и тряхнула головой, забрасывая их за спину.

– Неземная красота, – Жанка тоже стояла босиком, поправляя на бедрах золотистую тунику. – И какое из наших тел теперь прикажешь охранять?

Выглядела подруга прекрасно. Недавние роды если и отразились на ее фигуре, то наилучшим образом. Она стала какой-то спортивно-подтянутой. При росте метр восемьдесят да при гордой посадке кудрявой Жанкиной головы, эффект был сногшибательный.

– Ты же занималась чем-то в Фейрилэнде, правда? Единоборствами? Иначе откуда такая форма?

– Само собой как-то получилось, – жеманно ответила Арбузова, и я поняла, что она не хочет говорить правды. – Ты тоже оттуда не замарашкой явилась.

Бирюза придержала для нас двери, и мы с подругой вышли в коридор.

– Я поняла, Арбузова, ты – фея, или полукровка. Иначе ты в жизни бы в волшебную страну не попала.

– Я туда попала потому, что уже полукровками беременная была, – загадочно улыбнулась Жанка. – Теперь-то меня туда уже не затащишь, хватит, ученые. Кстати, у тебя хоть какие-то мысли есть, куда твой летний принц нас отконвоировал?

Я пожала плечами и повернулась к сопровождающей нас Бирюзе.

– Это резиденция дома Лета, – ответила на мой немой вопрос девушка.

– Это и так понятно. Адрес вашей резиденции я неплохо помню, только вот замков с малахитовым напольным покрытием в том районе не припоминается.

– В ваших мифах нас называют «народом холмов», – улыбнулась Бирюза. – Прошу, леди, принц ждет вас.

За арочным входом оказался тот самый малахитовый зал. Хозяйкой медной горы выступал Эмбер, восседающий на троне. А вокруг было не протолкнуться от нелюдей. Тут был и приснопамятный Валера с двумя волосатыми монстрами, но в основном – фейри дома Лета в белых или золотистых одеждах, в глубоких вырезах которых можно было заметить вязь татуировки, или вообще плотную кожу защитного костюма. Экология нашего мира не была дружелюбна к волшебному народу. Я и сама по возвращении из Фейриленда чувствовала слабость вперемешку с ознобом и уже подумывала отправиться к татуировщику. Но потом как-то отвлеклась и мои симптомы сами собой пропали. Здешние же обитатели относились к своему самочувствию основательно. Я скользнула взглядом к Эмберу. Ворот золотистой туники открывал монументальную грудь принца Лета чуть не до пупка – защитного костюма не наблюдалось. Значит, татуировка в труднодоступных местах – решила я, семена к трону. И так как исследование этих самых мест у данного индивида в мои планы не входит...

– Это она! – взвизгнул Валера. – Малышка с волосами. Я могу доказать, что она принадлежит мне.

Эмбер поднес руку ко лбу, демонстрируя, что извергаемые хуманом децибелы его нервируют.

Валера ринулся ко мне, Жанка длинным кошачьим шагом заступила ему дорогу. Нет, если моя подруга не занималась как проклятая, я съем шляпу Пака.

Я помахала Валере рукой, правой, на которой не наблюдалось любовной метки:

– Малышка тебе не принадлежит, но, если сторгуемся, может продать тебе свои волосы.

– Правильно, не зубы, отрастут – поддержала меня Жанка. – Торговаться со мной будешь, извращенец. И учти, что ты потом с этими волосами делать будешь, я даже знать не хочу!

Почти убитый двойным хуком нашей женской логики, Валерик смутился:

– Лорд-Изгнанник будет недоволен этой ситуацией, – пробормотал он вполголоса.

Я посмотрела на Эмбера, принц провел ладонью в воздухе. Самого колдовства я не заметила и не ощутила, но Валера упал перед Жанкой на четвереньки, корчась от боли, потом перевернулся на спину, суча ногами в воздухе, как истеричный ребенок. Из его рта толчками выходила бурая пена. И тут я наконец поняла, почему Жанка назвала Валеру уродом. У него было асимметричное лицо, выпуклый лоб с залысинами и выступающими надбровными дугами, выпученные глаза, вялый толстогубый рот. Но уродство было даже не в этом. От его лица веяло какой-то запредельной порочностью – абсолютной, эталонной, как от портрета Дориана Грея.

– Иди сюда, Кузнецова, – Эмбер поманил меня рукой.

Я осторожно обошла натекшую из Валеры лужу и засемила к трону. И что теперь делать? Книксен? Поклон? Просто на живот упасть? Как тут вообще

принято принцев Лета приветствовать? А то вдруг почтения не додам, и буду рядом с Валериком отдыхать.

Эмберова свита рассматривала меня с благожелательным интересом. Корчащийся на малахитовом полу хуман такого интереса не вызывал – видно, не впервой им на такое любоваться. А вот босоногая хуманка – это да, это зрелище приятное во всех отношениях. Конечно, до гаремных блондинок я внешностью не дотягиваю, но на контрасте сыграю, еще как. Росточку бы мне еще сантиметров десять, а лучше двадцать, а то мои метр почти семьдесят выглядят откровенно жалко.

– Значит это и есть вещая птица, чьего прибытия мы с таким нетерпением ждали?

Новый персонаж появился из бокового входа – обычный лысоватый старичок в серо-коричневом костюме-двойке.

– Дарья Кузнецова, с этого момента и далее прозываемая Сирин...

Старичок щелкнул пальцами, из-за оконной драпировки в центр комнаты выкатилась деревянная грубо сколоченная парта, чуть не прищемив ногу осанистому господину в цыплячье-желтой тунике.

Господин неудовольствия не выразил, а, покосившись в сторону Валерика, вообще извинился.

– Подпишите здесь и здесь.

Старичок стукнул ладонью по столешнице, я моргнула. С потолка спланировала толстая папка для документов, помахивая картонками и завязками.

– А вы кто?

Я независимо тряхнула головой.

– Ну разумеется, законник, – не обиделся собеседник. – Я заверю ваш с принцем договор, чтоб ни одна из договаривающих сторон не могла впоследствии

оправдываться непривычным местом сговора.

Я склонилась над партой, Жанка жарко дышала мне в спину.

Контракт был составлен в лучших традициях наших местных крючкотворов – двенадцать страниц, набранных мелким шрифтом на плотной офсетной бумаге.

– Без предварительной беседы с принцем дома Лета я ничего подписывать не буду.

– Помилуйте, голубушка...

Я моргнула. Старичок пропал. Пропала Жанка, блюющий Валерик, малахитовая комната, заполненная нарядной публикой. Я босиком стояла на снегу, низко висящие в антрацитовом небе звезды мерцали мягким желтым светом.

– Начинай! – глаза принца Лета мерцали как те звезды.

– Что?

– Беседу начинай. У нас с тобой две минуты.

– А потом?

Эмбер вздохнул и плотнее закутался в свой золотистый плащ:

– А потом, Кузнецова, ты замерзнешь до такого состояния, что тебе будет не до бесед.

Я переступила с ноги на ногу. Мы стояли на верхушке заснеженного холма.

– Кто такой Лорд-Изгнанник?

– Это неправильный вопрос и отвечать тебе на него я не буду. Мы уединились, чтоб обсудить договор, так что давай придерживаться темы.

Ах так!

– Сверх оплаты за услугу я хочу рабский ошейник Ларса и чтобы ты наконец оставил нас в покое.

Эмбер оторвал полный суеверного ужаса взгляд от моих босых ног:

– Хорошо. Я отдам его тебе перед свадьбой.

– Я не смогу ждать до весны.

– Перед моей свадьбой, Кузнецова. Твое бракосочетание с мелким демоном меня, представь себе, волнует мало.

Я невольно покраснела. На место меня поставили знатно. Вот так вот, Дарья Ивановна, чтоб не воображала себе лишнего.

– То есть ты хочешь, чтоб вещая птица Сириин сделала тебе предсказание? – вернула я разговор в деловое русло. – За семейную жизнь переживаешь?

Эмбер покачал головой, любуясь снежинками, таящими на его ладони:

– Девчоночьи рассуждения, Кузнецова. Следующий вопрос.

– Ты знаешь, что Сириин предрекает в основном беды?

– Наслышан. Я изучил этот вопрос, даже пришлось посетить несколько ваших хумановских библиотек. А также я уверен, что знание о грозящей беде может помочь ее избежать.

– Хорошо, – я поднесла к губам сложенные лодочкой ладони и попыталась хоть немного согреться. – Значит все, что от меня требуется – принять свою птичью ипостась и чего-нибудь для тебя напорочить?

– Именно!

– И за это ты передашь мне рабский ошейник моего мужа?

– Ледяного демона Ларса по прозвищу Хитрый Лис, – Эмбер тоже умел улыбаться уголком рта. – Твоего бестолкового жалкого возлюбленного.

– Когда?

– Во времени я тебя не ограничиваю. Почти... Только постарайся сделать это до того, как я и моя невеста произнесем брачные обеты.

Я приложила к лицу влажные от моего дыхания ладони. О том, что, вернувшись домой, я потеряла способность обращаться вещью птицей, Эмбер, конечно, не знает. Но ведь я и не пробовала этого толком. Может быть, если очень постараться...

– А чем мне будет грозить несоблюдение договора?

– Я заберу Ларса с собой, в Янтарный дворец, ты, конечно, как верная половинка пандана отправишься с ним.

Чудесная перспектива! Просто сплю и вижу! Но, кроме рабского ошейника, в договоре прописано много приятных плюшек, например – деньги. Кругленькая сумма, которая запросто поставила бы на ноги нашу корчащуюся в предсмертных конвульсиях фирму... Скажете, меркантильно? А кто еще, кроме меня, подумает о Паке, о Джоконде, о десятке малолетних нелюдей, работающих в кошачьем приюте? На мне лежит ответственность за их жизнь и благополучие.

– Еще я хочу эксклюзивный контракт на оказание услуг дому Лета фирмой «Пак и сыновья».

– И сколько сыновей у твоего карманного пикси?

– Неважно. Решай быстрее.

– Да, я согласен.

– А еще... Ведь это защитит моих ребят от возможных притязаний Лорда-Изгнанника?

– Из-за твоей жадности, полудева, мы оба скоро превратимся в ледышки...

Эмбер резко выбросил вперед раскрытую ладонь, отчего меня приподняло над снегом сантиметров на пятнадцать. От испуга я дернулась, потеряв опору, завалилась вперед – носом точно в золотисто-бархатную грудь собеседника. Тот подставил руки, принимая меня в объятия. Теплый сандаловый запах. Теплый... Я на секундочку прикрыла глаза, вбирая в себя чужое тепло.

– Хочешь попробовать это с настоящим альвом, полудева? – Эмбер легко подхватил меня под бедра, не позволяя коснуться босыми ногами снега. – Я предупреждал тебя, что ни один сид не сможет дать тебе то, чего ты захочешь.

Я толкнула принца в грудь и повалилась на снег следом за ним. Мы скатились по крутому склону, несколько раз перевернулись, я оказалась внизу, придавленная телом принца к земле. Золотистые глаза были близко, слишком близко, я перевела взгляд ниже, к губам.

– Если я захочу переспать с альвом, ты будешь последним в очереди. Понял?!

Облачко пара поднялось от его рта, когда Эмбер начал смеяться:

– Понял, я все понял. Главное не забыть эту очередь занять.

И он хохотал все время, пока переносил нас обратно, в малахитовый зал.

– Помилуйте, голубушка... – продолжал стенать старичок-законник.

Видимо здесь наше с принцем отсутствие прошло незамеченным, и заняло от силы несколько секунд. Эмбер со скучающим видом сидел на своем троне.

– Помилую, – я обошла парту, с наслаждением шлепая босыми ногами по теплomu малахиту, еще раз просмотрела договор и приложила палец к алому кругляшу, появившемуся на документе. – Я, леди Сирин, альва Третьего дома, Дарья Ивановна Кузнецова, обещаю сделать предсказание для принца дома

Лета, находясь в облике вещей птицы. О времени и месте обряда принцу будет сообщено дополнительно.

Эмбер спустился с возвышения и тоже приложил большой палец к бумаге:

– Я, Эмбер, наследный принц дома Лета, первый паладин Янтарной Леди, – тут титулы закончились, Эмбер выдохнул, взглянув на меня с хитрой улыбкой. – Обещаю без промедления исполнить свою часть договора и сообщаю всем заинтересованным лицам: леди Сирин с этой минуты находится под покровительством дома Лета, и любой, кто попытается причинить вред ей или ее вассалам, станет врагом дома Лета. Я все сказал.

Законник с благоговением внимавший словам принца, захлопал в ладоши:

– Вот и славно, вот и ладненько. Сейчас договорчик заверим, вот так...

Принц, не обращая внимания на суету, обернулся ко мне.

– Итак, полудева, я буду ждать результата.

А я стояла соляным столбом. Потому что за спинами нарядной публики, у одного из изящных портиков я заметила своего парня – Ларса, смотрящего на меня с плохо скрываемой злостью.

– Иди, у тебя же пандан, – принц закатил глаза в шутливом восторге. – Судьба, которую не обманешь и...

– Так вот ты где, любовь моя!

Через зал к нам пробиралась рослая фея в золотистых шелках. На золотистых кудрях красавицы алел полураспустившимися бутонами розовый венок:

– Наконец-то я нашла тебя, дорогой!

– Гри-де-лень – цветочная королева, – прошептал кто-то в толпе.

Так вот, значит, кто у нас вытащил джек-пот в лице светлейшего принца Лета. Интересно, а наша невеста в курсе любвеобильности своего будущего мужа и его странного вкуса? Хотя это не мое дело.

Эмбер раскрыл невесте объятия и запечатлел на ее алых губках почтительный поцелуй. Клоун!

Тряхнув головой, чтоб изгнать из нее неуместные мысли, я пошла к Блондину Моей Мечты.

– Привет! Ты говорил, что сегодня занят...

Ларс схватил меня за руку и потащил из зала.

– Я хотела тебе все рассказать, – предприняла я попытку оправдаться. – Но ты бы мне точно не разрешил.

Спутник молчал.

Коридор был извилистым и, кажется, бесконечным. Ощущения, будто мы оказались внутри улиточного панциря. Моих покрасневших щек коснулся порыв холодного ветра, вдалеке показался арочный проем, не прикрытый ни дверью, ни драпировкой. Я мысленно взывала, поняв, что сейчас опять окажусь босиком на снегу.

– Кузнецова-а-а! – донесся inferнальный вой сзади. – Подожди-и!

Ларс обернулся, выпустив мою руку. Оружия у него при себе не было, но приближающаяся опасность стимулировала превращение. Боевая личина моего парня была грозной – зубастой и когтистой.

Из темноты коридора донеслось паровозное пыхтение и на свет выскочила Жанина Арбузова, размахивающая над головой моими многострадальными ботинками.

– Жанка, я тебя люблю, – чуть не расплакалась я, садясь на пол и начиная обуваться. – И носки мне где-то отыскала...

– Я тут... Короче... О, здравствуй, Ларс, рада видеть!

Приветствие получилось так себе – кисловатым, впрочем, как и симметричный ответ ледяного демона. Он прекратил трансформацию, возвращая себе обычный вид.

Арбузова обернулась ко мне:

– Я сама до дома доберусь, такси возьму, наверное. А машину уже завтра заберу оттуда, где мы ее оставили.

– Как знаешь.

Я внимательно всмотрелась в возбужденное лицо подруги. Карие Жанкины глаза блестели, губы готовились улыбнуться.

– Там танцы сейчас начнутся.

Я пожала плечами. Танцы – это хорошо.

– Добрый вечер, я не решался подойти к вам в зале, – из коридора появился мужчина – высокий нескладный фейри. – Рад, что вы в добром здравии, леди Сирин.

Я застегнула последнюю липучку на ботинке, с усилием поднялась (Ларс, изображающий из себя статую вселенского неодобрения, мне не помог) и окинула незнакомца пытливым взглядом. На мужчину мечты Жанины Арбузовой он не тянул – слишком нескладный, слишком обычный. Носатый, с черными курчавыми волосами и темными выпуклыми глазами. Вторая ипостась у него, скорее всего, птичья. Рух? Нет, те как раз красавцы в человеческом облики. Жарид! Точно! Помесь птеродактиля с ночным кошмаром.

– Я прослежу, чтоб вашу подругу здесь никто не обидел, – заверил меня жарид.

Нет, я его все-таки откуда-то знаю.

– Аддрам? – неуверенно спросила я.

Было в моем недавнем прошлом такое недоразумение – спасение пленного. Между прочим, то, что он теперь говорить может – моя заслуга, моя и сумасшедшего венца – артефакта Третьего дома. Мы этому жариду отрезанный язык на место вернули и подлечили заодно. Вон он как теперь все задненёбные звуки исполняет – любо-дорого.

– Леди помнит мое имя! – фейри бухнулся на колени. – Я хотел поблагодарить вас!

Я хмыкнула:

– Благодарность принимается. Но если с вот этой вот головы, – я указала подбородком на Жанку, – упадет хоть один волосок...

Жарид заверил меня, что никогда и ни за что.

– Ладно, Кузнецова, – Жанка помогла своему спутнику подняться. – Хватит тебе на сегодня ролевушек, с кем-нибудь другим в строгую госпожу поиграй.

И они ушли.

– А я к тебе завтра в офис забегу, – уже из темноты коридора прокричала Жанка. – Часика в два, после обеда. Посоветоваться мне насчет одного дела надо.

Ларс молча проследовал к выходу. Я засемила следом. Обретение ботинок настроило меня на оптимистический лад.

Ларс вел машину сам, уставившись на дорогу. Его красивое лицо ничего не выражало. Я чувствовала себя виноватой.

– Жанка рассталась с мужем, – пробный камень разбился о стену непонимания. – Я просто хочу тебя предупредить, что общаться с Алишером не желаю, и что она теперь под моей защитой.

– Спасибо за предупреждение.

И Ларс опять замолчал.

Я зевнула, глядя в окно на проносившиеся пейзажи. Заснеженный холм фей остался далеко позади, в этом районе Энска царила ноябрьская слякоть. Надеюсь, к новому году в моей жизни наступит определенность и равновесие. Я вытащу нашу фирму с финансового дна, освобожу Ларса от унижительного рабства и смогу размеренно и не торопясь готовиться к свадьбе. Точной даты мы не назначали, но нам обоим нравился май. Мои родители о наших планах были осведомлены. Мама собиралась приехать за месяц до торжеств, чтоб помочь с подготовкой, а отец... Ну сейчас он был на Суматре, и куда его занесет через несколько месяцев, ни он, ни тем более я не знали.

«В мае я стану абсолютно счастливой, – решила я. – А сейчас надо вплотную заняться предсказаниями. Завтра же отправлюсь на полевые испытания. Надо будет Пака с собой захватить».

– Он тебя лапал?

Игра в молчанку закончилась вполне для меня неожиданно.

– Нет, ну, может, за руку подержал. У него манера общения такая, ты же знаешь Эмбера.

– При чем тут принц! – раздраженно бросил Ларс. – Я спрашиваю тебя о хумане, прислужнике Лорда-Изгнанника.

– То есть ты считаешь, что я настолько беспомощна, что позволю себя трогать всякому... всякому...

– В любом случае, он будет наказан. Он не имел права пытаться.

– Мне кажется, я его достаточно поколотила.

– Позволь это решать мне!

Вот и все, вот и поговорили. Равноправие в отношениях? Нет, не слышал!

Поэтому я и не рассказываю ему почти ничего, суженому моему, ряженому. Манеры альфа-самца хороши в дамских романчиках да в слезливых телевизионных мелодрамах, а в настоящей жизни плохи. А что же будет, когда мы поженимся? В доме меня запрут? К батарее привяжут? А то, не дай бог, меня кто-нибудь в офисе потрогает.

– А почему я раньше ничего о Лорде-Изгнаннике не слышала? – выдержав полагаящуюся в случае моего глубочайшего раскаяния паузу, спросила я. – Мне всегда казалось, что здешние фейри никому не подчиняются, ну или верны своим сюзеренам, оставшимся в Фейриленде.

– Так не бывает, – Ларс улыбнулся уголком рта, было заметно, что злость его потихоньку отступает. – Всегда есть кто-то, кто правит, и те, кто подчиняются, это закон жизни.

– Ага, свято место пусто не бывает, – сподхалимничала я.

– Перемещение между мирами было затруднено всегда, фейрийские дома просто не смогли бы контролировать всех своих подданных, расселившихся в вашем мире, поэтому появился Лорд-Изгнанник – властитель над феями, утратившими свой дом.

– И давно он здесь владеет?

– Раньше, чем здесь появился я или кто-нибудь из знакомых мне фейри. Говорили, что он был здесь всегда, что он единственный, оставшийся от местного пантеона.

– Как интересно! – я чуть ослабила ремень безопасности и подтянула ноги к груди, несмотря на обогрев салона и теплые ботинки, промерзла я знатно.

Ларс подвез меня к подъезду, обошел машину и галантно открыл дверцу с моей стороны. Вот так и живем – галантность, корректность и минимум переживаний.

– Давай завтра вместе поужинаем? – ледяной демон легко поцеловал меня в щеку. – У меня или у тебя?

– У меня, подъезжай часов в восемь вечера, я что-нибудь приготовлю, – подставила я губы. – И выгоню Пака с Джокондой, чтоб нам никто не мешал.

– Договорились.

И Ларс уехал, даже не поцеловав меня на прощание (в щечку не считается), а я пошла к подъезду, размышляя, сколько двадцатичетырехлетняя физически здоровая женщина может обходиться без секса, и когда у нее, здоровой двадцатичетырехлетки, начнется нервный срыв на гормональной почве.

Глава 5. Лягушка не царевна, или Право первой ночи

Жить надо так, чтобы твоим именем назвали синдром.

NN

Рассвет следующего дня я встретила на пустыре в компании заспанного и недовольного жизнью Пака. Приехали мы сюда на самом первом городском автобусе. Кроме нас в такую рань на окраину Энска отправлялся целый батальон бабулек, дачные участки требовали неусыпного контроля даже на исходе осени.

– Ты, Кузнецова, совсем сатрапом стала, – позевывая сообщил пикси, нарезая круги вокруг моей макушки. – Трудовое законодательство не для тебя писано?

Я опустила на землю спортивную сумку и сделала несколько энергичных махов руками, чтоб разогнать кровь. Поспать ночью так и не удалось. Сначала я битый час прорыдала в подушку над своей несчастной судьбой, потом боролась с желанием открыть и опустошить холодильник, эти самые несчастья заедая. Часа в четыре утра, поняв, что борьбу я проигрываю, разбудила Пака, уютно свернувшегося на диванной подушке и объявила сбор.

Ледяной ноябрьский ветер пробирался под одежду, и я застегнула воротник куртки до самого подбородка.

– Ну не злись, я же не могла без тебя этим заниматься.

– Не могла, – согласился нюхач. – Потому что за тобой глаз да глаз нужен. И мы с Ларсом прекрасно это понимаем.

Я наклонилась и дернула застежку сумки.

– Стоп, Дашка, ты что, с Ларсом поссорилась?

– Нет, с чего это?

– Он тебя обидел?

– Нет.

– Запомни, Кузнецова, что бы он там тебе не наговорил, дели на четыре. Правда в том, что в вашем мезальянсе высокая сторона именно ты, и от тебя зависит, что с вашими отношениями делать.

– Глупости!

– И ничего не глупости. В иерархии волшебных существ ты у нас где-то в заоблачных высях, а он – на грешной земле. Даже я больше тебе в спутники жизни подхожу, чем он.

Я прыснула:

– А чего, Пак, женишься на мне, если мы с Ларсом расстанемся? Чудная ячейка общества получится – принц пикси в изгнании и чудо-юдо неопределенной породы.

Малыш приземлился мне на плечо и даже чмокнул в щеку, оставляя липкий сахарный след:

– Если другого шанса стать порядочной женщиной тебе не подвернется, я только за. Снесешь мне пару-тройку отпрысков и тогда название нашей фирмы – «Пак и сыновья» не будет таким уж странным.

Снесу! Ну конечно, я же птица, точно снесу!

Мой смех унес ноябрьский ветер.

– Что мы будем делать сегодня? – переключился пикси. – Ты новую информацию по оборотничеству накопила?

– Да ничего там особенного нет, – пожала я плечами. – Кувырок назад или прыжок через пень. По крайней мере, большинство наших российских оборотней так делают.

На самом деле идея у меня была, и натолкнул меня на нее план застройки пригорода, который случайно попался мне в газетном архиве нашей городской библиотеки. Невзирая на глобализацию, автоматизацию и прочие «ации» современного мира, всего в интернете не найдешь. Поэтому библиотеку нашу за последние шесть месяцев я посещала раз пятьдесят, особенно ту ее часть, где хранились старые книги. А идея заключалась в том, что в нашем мире тоже были разные «места силы» – районы магической активности. Ну знаете, развалины старинных капищ или языческих храмов. И если отыскать такое «место силы», вполне может быть, что его остаточной магии мне хватит для превращения.

– Но ты же не оборотень!

Эту фразу я отмела как деструктивную.

– В тот раз я обернулась на дне, – мне вспомнилось мягкое сопротивление воды. – В бассейне мы с тобой уже пробовали, даже с плотностью и температурой экспериментировали. Помнишь эту лохань с соленой водой?

– А если на телевизионную вышку залезть и спрыгнуть? Стресс вполне может твои способности активизировать.

– Или не может, – пожала я плечами. – Тогда...

– Один я тебя, конечно, не удержу, но вот целому племени пикси такое под силу. Мама будет рада нам помочь.

– Я тебе учебник по физике давала. Ты про ускорение свободного падения читал?

– Ну давай каскадеров найдем – пусть внизу батут подержат.

Я хихикнула, вспомнив анекдот про дедушку, которого спасали из пожара. Настроение исправлялось просто с космической скоростью – мой верный Пак своей болтовней умел привести меня в чувство.

Я достала из сумки завернутый в атласную ткань кинжал.

– Сегодня попробуем старинный русский способ. На этом месте раньше лесопосадка была, пней много, сейчас выберем самый симпатичный.

– Ледяной кинжал?

– В источниках говорится, что оружие должно быть заговоренным. Артефакт дома Зимы вполне под эту категорию подпадает.

Тем более что заговорить его может только потомственная ведьма, а обращусь я к главе энского ковена Лизе Серовой с просьбой только, когда на горизонте появится четверка всадников апокалипсиса, не раньше. Но этого Паку я объяснять не стала.

– А Ларс в курсе, как ты его имуществом распоряжаешься?

– Не в курсе. Кинжал у него просто в ящике стола валялся, я его только на сегодня позаимствовала. Да и вообще, наш с тобой общий друг против экспериментов с моей второй ипостасью.

– Не волнуйся, дорогая, – интимно шепнул мне на ушко Пак. – Я никому не расскажу о нашем секрете. Кстати, вот этот вот пенек – он достаточно симпатичный?

– Достаточно.

Выбранный пикси пень при жизни был могучим дубом – один человек вряд ли смог бы его обхватить руками.

Я согнала пригревшегося на моем плече Пака, зажмурилась и вонзила кинжал точно в центр. Лезвие завибрировало, пень как будто принял эту вибрацию в себя, охнув. Не раздумывая, я разбежалась и прыгнула.

Земля была твердой и очень холодной. Я ощутила этот холод щекой и подбородком, когда упала лицом вперед.

– Кто это здесь колдовать удумал? Сна меня сладкого лишил!

Я поднялась на четвереньки и медленно развернулась.

Пень был старый, в некоторых местах, думаю, направленных на север, поросший мхом. Из-под мшистой шубы на меня внимательно смотрели глазки-бусинки:

– Девка заполошная, чего колобродишь?

Это была лягушка. Наверное. Скорее всего. Бурая слизистая лягушка с большим ртом. Говорящая бурая слизистая лягушка.

– Что ж, отрицательный результат, тоже результат! – позитивно настроенный Пак запнулся на полуслове, быстро отлетая на безопасное расстояние. – Ты кто?

Лягушка прицельно плюнула и юркнула под мох. На моей спортивной куртке оплавилось пятно слюны.

Я чертыхнулась, выдернула из пня кинжал и подцепила его лезвием толстый пласт коры. Врешь, не уйдешь. Лягушка обнаружилась минуты через полторы. Памятуя о ядовитости новой знакомой, я не стала хватать ее руками:

– И не пытайся плюнуть, хуже будет!

Глазки-бусинки переводили взгляд с кинжала на меня и обратно:

– Девка наша, дух чую. Почему тогда с пикселями связалась? Шкодный они народ, девка, наплачешься.

– Сама ты пиксель! – с безопасного расстояния обиделся Пак. – Ругается еще... Если ты дух места, так и скажи, а не...

– Не дух, а хранитель, – лягушка, видимо, решив, что я не агрессивна, вспрыгнула на пенек. – Камлайте, смертные!

– Что она имеет в виду? – громким шепотом обратилась я к Паку. – Ты вообще понимаешь, что происходит?

– Дашка, нам невероятно повезло. Или не повезло, время покажет. Это хранитель места, – таким же громким шепотом ответил Пак. – Очень древнее и могучее существо. Нам нужно ее задобрить. В противном случае будем с тобой тут круги нарезать до морковкина заговенья – обманет, заморочит, не выпустит. У тебя никаких вкусняшек с собой нет? Конфет или печенья? Может, сахар?

– Нет, все что было, ты по дороге пожрал.

Свободной рукой я порылась в карманах. В левом за подкладкой обнаружилась почти пустая пачка таблеток от кашля.

– Вот, – я достала из пакетика две оставшиеся таблетки и положила их на пенек. – Мед и эвкалипт, смягчает горло, освежает дыхание.

Подношение исчезло, схваченное длинным жгутом языка:

– Мням. Хорошо, уважили. Говорите, зачем пришли.

– Спроси ее, спроси, – возбужденно жужжал Пак. – Она древняя, она местная, она может знать.

Было очень холодно, мне невероятно захотелось спать, до того, что я готова была согнать волшебную лягушку, улечься на пенек и...

– Я Сирин, – зевок ушел в подставленную ладонь. – По крайней мере, именно так мне сказали. Однажды мне удалось обернуться огромной вещью птицей. Теперь я хочу сделать это снова, но у меня не получается.

Лягушка в задумчивости пожевала губами.

– А Навий Бог что тебе на это говорит?

– Ничего, я даже с ним незнакома.

– Глупости говоришь, птица. Беды вещала?

– Ну да.

– Это Навий Бог твоими устами пользовал. На заре времен выродил он тебя, чтоб ты была проводником между навьим миром и миром смертных.

– Все было совсем не так.

И я в общих чертах рассказала собеседнице о Фейриленде, Господине Зимы, который и назвал меня Сирин, о мучительных видениях, об артефакте Третьего дома.

Лягушка повела глазами.

– Поменялось времечко-то, круто поменялось. А ну-ка, дева-птица, подними меня повыше, осмотреться хочу.

Я осторожно подставила ладонь. Вопреки ожиданиям, липкой наощупь лягушка не была, руке стало тепло и приятно. Я подняла собеседницу и стала медленно поворачиваться, рассудив, что раз у существа нет шеи, головой вертеть оно не может.

– Понятненько, – лягушка прыгнула обратно на пень. – Долгенько же я спала... Помогу я твоему горю, дева-птица, как есть все обскажу. Но не просто так помогу, а в ответку.

– Тогда нам придется за сладостями в город вернуться, – деловито прожужжал Пак.

– Сладости само собой, но служба мне нужно другая. Вишь, пока я спала, рошуту мою заповедную под корень срубили.

– Тут собирались торговый центр строить, – объяснила я, как бы извиняясь, – а потом, видимо, передумали. Кризис опять же.

– Что забрали, надо вернуть! – лягушачий голосок приобрел мощь и глубину, земля под ногами вздрогнула. – Иначе...

И лягушка исчезла, окутанная клубами сизого дыма. На том месте, где она только что была, стояло берестяное лукошко, доверху заполненное глянцевыми коричневыми желудями.

Пак принялся:

– Волшебство в чистом виде. Гламор ни в какое сравнение не идет.

– Потому что свое, исконное, – вежливо пояснил бестелесный голос.

Отбросив мысль, что теперь с нами говорят желуди, я решила, что хранительница заповедной роши никуда не ушла, а просто предпочла стать невидимой.

– А зовут-то тебя как, красавица? – раздухарился Пак.

– Да откуда у нас имена-то... ну хотя бы Маша...

– Мария, красивое имя.

– И что я должна с этим делать? – прервала я разгорающийся флирт. – В землю закапывать?

– Нет, кашу варить, – хихикнула невидимая Маша. – Можешь приступить. Только ледышку свою к делу приспособить не забудь. Хотя магия в ней и чужая, но сильная.

Я посмотрела на мутное осеннее солнышко и взяла лукошко. На берестяном бортике обнаружилась веревочная петля и, на мгновение почувствовав себя героиней пьесы абсурда, я повесила лукошко на шею.

– Пак, ты мне поможешь?

– А кавалер мой пусть за сладостями слетает, – скомандовала хранительница. – Раз уж ухаживать принялся.

Прежде чем улететь, злобный пикси вытряс из меня всю наличность. Я подумала, что теперь не смогу сама отсюда выбраться, мне нечем будет заплатить за проезд.

На то, чтоб посадить один желудь, мне требовалось секунд пятнадцать. Наклониться, ковырнуть мерзлую землю, опустить плод в лунку, прикрыв почвой. Так как лягушка Маша требовала соблюдения полной исторической достоверности, за разметку я приняла торчащие пеньки и приступила к работе, двигаясь с запада на восток. Физическая нагрузка была, конечно, так себе, в тренажерном зале два раза в неделю я пахала и поболее. Держать себя в форме, особенно при моем склонном к полноте и поеданию пирожных организме, было нелегко. Подстроив дыхание таким образом, чтоб усилие приходилось на выдох, я расслабилась и продолжала работать на автомате.

Раз... Два... Три... Вдох... Вот смеху-то будет, если волшебная амфибия меня обманет. А Пак еще всем растрезвонит о моем позоре. А там уж и до Ларса слухи дойдут. А этот смеяться не будет, этот обидится, углубляя и расширяя мое и без того немаленькое чувство вины. Потому что я непослушная и вообще не такая, как ему, моему супругу, нужна. Ведь ему, в сущности, не так уж много от меня надо. Просто ухоженная спутница, которая не будет влезать в его деловые переговоры с партнерами и перетягивать одеяло на себя. Я старалась, честно старалась некоторое время. Я надевала вечернее платье и отправлялась с ним в казино или ресторан, где такие же серьезные представительные мужчины, как мой ледяной демон, общались между собой, параллельно выгуливая своих нарядных половинок. А потом один из этих серьезных дяденек решил за мной

поухаживать, хотя никакого повода я ему не давала, потом официальная любовница этого дяденьки решила, что повод как раз был. И состоялась безобразная драка в женском туалете, и хохотали солидные мужчины, когда я вытирала окровавленные костяшки пальцев льняными полотенцами, а моя соперница убегала в закат, прикрывая руками проплешины в шикарной некогда шевелюре. Но даже не это стало последней каплей. Другой солидный дяденька – Дмитрий Борисович Введенский, немножко авантюрист (что неудивительно для полуфейри), немножко делец (что неудивительно для получеловека) попросил меня об услуге. Ему нужен был независимый арбитр в решении спора со змеелюдами. Услуга вполне прилично оплачивалась и проходила по всем бухгалтерским документам – и моим, и Дмитрия Борисовича, и мы с Паксом с удовольствием ухватились за возможность заработать. Вот это и стало последней каплей. Ларс обиделся – я подвела его, я подставила подножку и воткнула в спину кинжал. Ну то есть перехватила перспективного клиента. Причем о своем нечеловеческом коварстве я узнала случайно, через третьи руки от абсолютно посторонних людей. Черт! Да я даже не знала, что он Введенского окучивает! Если бы знала, конечно, помогла бы. И я бесчисленное количество раз извинялась и даже собиралась кланяться в ножки Дмитрию Борисовичу, чтоб он все переиграл. Но Пакс встал насмерть на защиту интересов фирмы имени себя, поскандалил с Ларсом, на излете скандала обозвал меня дурой, а я... Короче, чтоб не вредить нашим с Ларсом отношениям, мы решили разделить работу и личную жизнь. Получалось это не всегда – все-таки вращались мы примерно в одних и тех же кругах. А Дмитрий Борисович остался моим постоянным клиентом. Заказы от него поступали не часто, но регулярно.

Я разогнулась, оборачиваясь назад. Большая часть вырубки была уже засажена, и... Я поморгала. Нет, мне не показалось – там, где упали в землю самые первые желуди, уже пробивались к небу полупрозрачные изумрудно-зеленые ростки.

Закончила я уже после полудня. Сев прямо на мерзлую землю и привалившись спиной к заповедному пню (последний желудь я опустила прямо в рыхлую древесину спила), я поняла, что нечеловечески, запредельно устала. Какой там спортзал! Я в уме даже посчитать не смогу, сколько калорий сегодня потратила. Хотелось в душ и спать.

Роща росла прямо на глазах, даже последний из посаженных дубков вымахал уже метра на полтора.

– Молодец, девка! – похвалила меня бестелесная Маша. – А кавалер-то наш чегой-то задержался...

Я с усилием пожала плечами. К вечеру крепатура мне обеспечена.

– Может, он специально время тянет, чтоб мы с тобой поговорить успели. Я свою часть работы выполнила, теперь твоя очередь.

– Так я не отпираюсь. Чего я тебе девка скажу: раз ты птица вещая, значит, оно как-нибудь само собой должно получаться.

– И вот за эту бесценную информацию я тут, как раб на плантации, шесть часов отпахала?

– А чегой ты мне теперь сделаешь? Обратно дубки мои повыдергиваешь? Еще шесть часов жизни потеряешь?

Я зевнула, прикрыла глаза и мстительно пообещала:

– Я экскаваторщика найму с бо-ольшим ковшом. Тебе понравится. Он мало того, что новосад с землей сравниет, так и все пеньки повыкорчевывает. Будешь с кочки на кочку прыгать. А потом, через годик-другой, твою долину, рощу бывшую заповедную, слегка подзатопит грунтовыми водами и тогда ты, дорогая Маша, будешь жить на болоте. Вернешься к своим лягушачьим истокам, так сказать.

Бормотала я уже совсем сквозь дрему, поэтому особой экспрессии в моих словах не было – последовательное изложение фактов, как в новостной передаче провинциального телеканала.

– Злая ты.

– Не злая, а справедливая. У нас с тобой уговор был? Был! Я его исполнила? Исполнила. А ты...

И я заснула. Прямо на холодной земле, под пронизывающим ноябрьским ветром. Ведь то, что произошло со мной дальше, не могло быть на самом деле? Или

могло?...

Пахло сеном и ландышами, в кроне могучего столетнего дуба распевались птицы.

– Все настолько изменилось? – раздался негромкий мужской голос – красивый такой глубокий баритон.

– Я просканировала округу, насколько смогла дотянуться – пусто.

– Но хоть какая-то магия здесь осталась?

– Фейри, – в голосе лягушки Маши слышалась брезгливость. – Поганцы, они пришли на наше место. С этой девкой был пикси, представь себе. Пикси! Я едва сдержалась, чтоб не убить его сразу. Пришлось услать дурачка с поручением и заморочить, чтоб он не смог вернуться.

– А она?

– Она то ли слишком добрая, то ли дура. Считает себя птицей Сирин.

Собеседники противно захихикали.

– Говорить о присутствующих, используя личные местоимения третьего лица, считается неприличным, – я села, помогая себе руками, и прислонилась спиной к янтарной дубовой коре.

Мужчина стоял прямо передо мной – высоченный русоволосый красавец в вышитой льняной рубахе. Кудри его на лбу перетягивал кожаный ремешок.

Если я и смогла неожиданной фразой внести сумятицу в стан врага, продлилась она недолго.

– Ой ты гой еси, красна девица, – начал красавец, отвешивая в мою сторону глубокий поясной поклон и пристраивая перед животом какой-то струнный инструмент.

Бреньк!

– Красна девица, раскрасавица...

Бреньк!

– Спасибо, но мне не нравится самодеятельность, – остановила я песню. – Давайте сразу к делу перейдем. Потому что, если вы меня в какую-то вневременную щель затащили, я хотела бы вернуться в свой мир как можно скорее, пока не произошло сбоев в пространственно-временном континууме.

– Что она только что сказала? – красавец растерянно обернулся через плечо.

Я проследила взглядом.

– Она просит тебя поторопиться, – перевела Маша, которая в моем сне превратилась из лягушки в довольно симпатичную тетку – румяную и дородную. Дородность скрывалась под алым сарафаном, а рыжие кудри – под кокошником. Матушки-святые! Энский ТЮЗ на выезде! «Сказка о царе Салтане» и другие произведения Пушкина!

– Аутентичность – это конечно хорошо, – строго проговорила я. – Но давайте переходить к делу. Меня зовут Дарья Кузнецова, можно просто Даша. А вы ведь не Навий бог?

– Святозар, – зарумянился красавец, убирая за спину гусли. – Можно просто... Святозар...

А чего это мы стесняемся? Я вопросительно взглянула в голубые святозаровы очи. Тот потупился и еще больше покраснел. Понятно, все дело в вашей, Дарья Ивановна, неземной красе.

– И вы точно так же спали все это время?

– Ну, некоторым образом... – красавец бормотал очень тихо, я даже подалась всем телом вперед, чтоб его расслышать.

– Значит так, девка, – взяла диалог в свои руки Маша. – Во-первых, всех фейри, которых ты сюда притащила, обратно отправь, иначе...

– Стоп, – я скрестила руки на груди, демонстрируя окружающим свою непоколебимость. – Ты не выполнила свою часть нашей договоренности, это во-первых. Во-вторых, что ты имеешь в виду, говоря – «сюда»? В твое место силы? В наш мир?

– Ну разумеется, я имею в виду наш мир, – женщина смотрела на меня, склонив голову к плечу. – Не место им здесь, инородцам, пусть уходят.

– Ты вообще представляешь, сколько этих самых «инородцев» теперь здесь живет? Не десятки и даже не сотни.

– Пусть уходят все, иначе...

– Что «иначе»? Ты всех их до смерти заплюешь?

Маша широко замахнулась, собираясь отвесить мне плюху, я привстала, чтоб парировать удар и сразу затем, ухватив соперницу за запястье, вывернуть ей руку.

– Ма-ама! – неожиданно тоненьким голосом вступил Святозар. – С плеча-то не руби!

Я поднялась на ноги:

– А знаете что, я просто ухожу! Диалог тут со мной вести не намерены, а намерены угрожать! Нет, такое общение просто неприемлемо!

Я блефовала. Ну сами посудите, куда я сейчас пойду? Вполне вероятно, что вся наша бестолковая беседа протекает в моем воспаленном мозгу, а тело умницы, красавицы (далее по списку) Дарьи Кузнецовой пускает слюни на мерзлой земле пустыря. И к тому же эта странная парочка – первые встреченные мною местные... феи? Нет, этот термин тут не подходит, скорее – исконные существа. Опять же лягушка упоминала какого-то Навьего бога... Что-то я об этом слышала. Велесова книга! Точно! Явь, Навь и Правь – три стороны бытия. Только

вот на университетских лекциях не говорили, что Велесова книга – всего лишь подделка, а из аутентичных источников мы можем узнать только о Нави...

Короче, мне нужна была беседа. Хорошая, неспешная. Куда они ушли, мои «исконники»?

Я улыбнулась. Новое словечко мне понравилось. Но если меня никто не попытается сейчас остановить...

– Даша, подожди! – Мария ухватила меня под локоток.

Я остановилась, но вырываться не стала.

– Прости меня, дуру неразумную, – покаялась собеседница. – Не с того я с тобою начала.

– Тогда предлагаю забыть все, что было, и начать с чистого листа. Ты сможешь помочь мне обратиться?

– Сейчас не смогу, – глаза у Маши были зеленые, как озерная тина. – Но уверена, что, если ты та самая Сирин, оно у тебя само как-нибудь получится.

Я почти не расстроилась.

– Мы же со Святиком и не знаем теперь ничего. Заснули, проснулись, а тут такие перемены.

Упомянутому Святiku ласкательное прозвище не понравилось – он скривился, будто хлебнул уксуса.

– Но кто такие фейри вы все равно знаете?

– Так они всегда были, не здесь, где-то в своем мире. Дурацкая заполошная раса – не понос так золотуха, то воют, то новые миры разыскивают.

– А теперь что делать будете? Вы со Святиком?

Святозара вообще перекосило, но он галантно поклонился:

– Будем тебя о заступничестве просить, девица красная. Ма-ам, на пару слов...

Маша пожала круглыми плечиками и отошла к сынуле. Я терпеливо ждала, пока они нашушукаются.

Информации с гулькин нос, да еще очередную головную боль вы себе, Дарья Ивановна, отыскиали. Мало вам полудохлой фирмы, проблем в личной жизни, контракта с домом Лета, который еще неизвестно, как исполнять, вы еще лягушку-царевну разбудили со Святозаром Лягушевичем в придачу. А ведь вы себя знаете, у вас же гипертрофированное чувство ответственности. Вы теперь еще сюда ходить будете, лягушатник свой подкармливать. Кстати, о подкармливании – неплохо бы узнать, как там моя Руби поживает. На аудиенции принца Лета я ее не видела, а расспросить Эмбера не удосужилась.

Тем временем шушуканье лягушатника набирало обороты и децибелы:

– Не пущу! – орала Мария. – Только через мой труп! Ишь что удумал!

– Я взрослый уже, негоже мне за мамкин подол держаться, – бубнил Святик.

Издалека донесся колокольный звон, заставив утихнуть певчих птиц. Собеседники замерли.

– Кто-то сюда прорывается, – серьезно сообщила Маша. – Ладно уж, после с тобой договорим.

– Ты понимаешь, что никакого «после» может и не быть? – возразил Святозар. – Мы даже не знаем, что там за пределами нашей рощи происходит.

Звон становился все громче, Святику пришлось его перекрикивать. Под нашими ногами вздрогнула земля.

Мария перевела взгляд на меня:

– Позаботься о моем чаде, Даша. В долгу не останусь.

– Ну да, ты у нас просто специалистка по возвращению долгов.

Сарказм был так хорош, что почти осязаем. Но через секунду до меня дошел полный смысл фразы.

– Эй, что значит позаботься? Ты хочешь на меня своего недоросля повесить?

Святозар приблизился, опустив очи долу, Мария быстро сунула мне что-то в ладонь и исчезла. Вместе с ней исчезла и окружающая меня реальность – вековой дуб, певчие птицы, изумрудная трава.

Я проснулась.

– Кузнецова!

Шуба на Жанке была другая – темно-рыжая в черные полосы – мадам тигрица на охоте.

Я, кряхтя, поднялась с земли:

– Все нормально, ты не переживай так.

В глазах рябило, экзистенциальные жанкины полосы не давали сфокусировать взгляд.

– Пак сказал, тебя в заложники взяли! Мы у тебя в офисе сидели, а он... Ну мы сразу и подорвались, тебе на помощь.

Жанку отодвинули, и уже в следующее мгновение я оказалась в объятиях Ларса:

– Малыш, ты в порядке? Малыш?

Я потянула ноздрями такой знакомый и родной запах:

– Все хорошо. Да что со мной вообще может случиться?

Ларс меня обнимал с такой силой, что казалось, я сейчас хрустну в его руках.

– Дария, – всхлипывала Джоконда, прислоняясь к моей спине. – Ты не пугай нас больше, куда я денусь, если с тобой что-то случится?

Заплаканную Джоконду пытался оттащить какой-то незнакомый рыжий парень:

– Ну чего ты... дай ты людям наедине побыть...

Однако, здесь многолюдно. Я с неохотой отстранилась от Ларса, глядя на отряд своих защитников. Ларс, Джоконда, Жанка, пара ларсовых ребят из клуба, почему-то Эсмеральд, в каждой из четырех рук которого сверкали клинки, еще два паладина Лета (эти-то каким ветром?), упомянутый уже рыжий парень (кто он вообще такой?).

Дубовая роща, на посадку которой я угробила полдня, исчезла. Теперь мы находились на гладком, будто выметенном пустыре, и только отдаленный птичий щебет, уже почти неслышный, позволял предположить, что заповедное место никуда не исчезло, а просто укрылось от досужих глаз, зажив своей собственной волшебной жизнью.

– Пак? Где мой пикси?

Мелкий пакостник обнаружился неподалеку. Он нарезал круги метрах в полутора над землей, что-то увлеченно рассматривая.

– Дашка! Это же, кажется, не та лягушка? Эта покрупнее вроде...

Я покинула уютные объятия Ларса.

– Ты абсолютно прав, мой наблюдательный друг. Это не Маша.

Я протянула вниз раскрытую ладонь, огромная коричневая жаба устроилась на ней, беспомощно обхватив мое запястье передними лапами.

– Это Святозар, сын нашей с тобой общей знакомой.

– Ты его похитила? А что мы теперь с ним будем делать? А он ядовитый?

Святик прицельно плюнул в разбушевавшегося пикси, не попал и устало прикрыл глаза-бусинки.

И много он информации сможет собрать, находясь в лягушачьей ипостаси?

– Идем, я отвезу тебя домой, – Ларс твердо взял меня за плечи.

– Да, хорошо, минуточку подожди...

Я протянула лягушку Джоконде:

– Присмотри за ним сегодня, пожалуйста.

– Давай! – Сирена быстро натянула на ручки мягкие лайковые перчатки. – Ему, наверное, аквариум надо купить и мошек на ужин? Я в интернете поищу, как за жабами ухаживать.

Святик под коричневой шкурой отчаянно покраснел. Кажется, не только ваша неземная краса, Дарья Ивановна, на него так действует.

– А Маша больше не прискачет? – грустно спросил Пак.

– Она тебе понравилась? Лягушка?

– Да хотелось на ней одну великолепную идею опробовать. Очень древнее волшебство.

Я пожала плечами, о своих планах наша новая знакомая мне не сообщала.

– Пойдем, – Ларс уже накидывал мне на плечи мягкий шерстяной плед. – Все остальное может подождать до завтра.

– Да, – я послушно пошла к машине.

Эсмеральд ко мне не подходил, кивнул издалека и отдал команду своим паладинам. Воины дома Лета растворились в морозном воздухе, будто их никогда и не было.

А все-таки интересно, кто их сюда притащил? Завтра, все узнаю завтра. Жанку, например, расспрошу, или...

Я уютно устроилась на пассажирском сидении. Когда машина тронулась, я, поерзав, опустила руку в карман куртки. Туда я, проснувшись, засунула лягушачье подношение. На моей ладони оказался обычный глянцевый желудь.

Ларс повез меня к себе. Я не возражала, да меня никто и не спрашивал. Мой ледяной демон жил на окраине – в комфортабельном коттеджном поселке, в аккуратном двухэтажном особняке – с огромной террасой, подземным гаражом на четыре машины, бассейнами, крытым и открытым, и ухоженным яблоневым садом.

Ворота открылись автоматически, Ларс щелкнул кнопкой пульта и завел автомобиль на подъездную дорожку.

– Выходи, я потом машину в гараж поставлю.

Он подал мне руку, помогая выбраться.

Дома у своего парня я бывала, не регулярно, не очень часто, но экскурсии по жилищу мне не требовалось. Пока Ларс ставил машину, я успела найти в ванной комнате (одной из ванных, той, что находилась на первом этаже) махровый халат, раздеться и начать набирать воду.

– Тебе сумка нужна? – блондинистая голова Ларса показалась в приоткрытой двери.

– Нет, оставь в гардеробной, хотя... спасибо, я возьму.

Дождавшись, пока Ларс уйдет, я стала рыться в сумке. Под руки попадались всякие глупости, типа поилки, или заколки для волос. Кинжала не было. Может, я его обронила? Может, он остался у лягушки Маши в ее заповедной роще? Или

кто-нибудь из моих друзей нашел его, когда мы с Ларсом уже уехали?

Я натянула на себя махровый халат и отправилась в гостиную. Там на столе я оставила мобильный телефон. Сейчас я позвоню Джоконде или Жанке и все выяснится.

– Ты это потеряла? – на пороге гостиной стоял Ларс с ледяным кинжалом в руке.

Бум! Ударилось о ребра сердце. Та-да-дам!

Вот только обморока мне сейчас не доставало!

– Именно! – я твердо встретила взгляд серых глаз Ларса. – Хотела его как можно быстрее тебе вернуть.

Не люблю вранья, на него, как на песчинку внутри моллюска арагонит, наслаиваются целые пласты лжи. Лучше сразу говорить правду настолько, насколько это возможно.

– Извини...

Ларс пожал плечами и, обойдя обеденный стол, присел к нему, опустив артефакт на столешницу:

– Ты собиралась убить какого-то фейри? Ледяной кинжал предназначен именно для убийства. Ты знаешь, что он даже не оставляет следов?

– Нет, – я села напротив. – Мне просто нужно было заговоренное оружие. Пак, наверное, тебе рассказывал, я хотела превратиться в вещую птицу.

Мой ледяной демон покачал головой:

– Малыш, я не разделяю этого твоего стремления, но мешать не буду. Если тебе нужна помощь...

– Я заключила договор с домом Лета. Если я смогу сделать предсказание, принц Эмбер освободит тебя.

– Понятно, – Ларс задумчиво перевернул кинжал кончиками пальцев. – Поганный светлейший принц... Тебе не стоит тревожиться. Я работаю над этой проблемой. Лорд-Изгнанник в последнее время благоволит ко мне и, надеюсь, заставит Эмбера передумать.

– Каким образом?

– Не забивай свою хорошенькую головку ерундой, госпожа моя. У Лорда-Изгнанника есть свои возможности, несопоставимые с нашими.

– Ты давно на него начал работать?

– Раньше, чем познакомился с тобой.

– А почему мне о нем ничего не рассказывал?

– Просто к слову не приходилось. Мой сюзерен не слишком вмешивается в дела этого мира, только когда происходит что-то действительно экстраординарное, призывает к себе своих вассалов.

– Ты представишь меня ему?

– Конечно. Наша свадьба, малыш, – это экстраординарное событие.

Ларс тепло улыбнулся и развел руки в стороны, приглашая меня пересесть к нему на колени. Я моментально откликнулась на зов.

Уж не знаю, на какое продолжение рассчитывал ледяной демон, но я решила взять ситуацию в свои руки. В прямом и переносном смысле. Я поцеловала Ларса и, не отрывая своих губ от его рта, начала медленно – пуговку за пуговкой – расстегивать его рубашку на груди. Первая, третья, пятая... Какая прохладная у него кожа... Ммм... Мои губы скользнули ниже, к ключицам, к выпуклым мускулам груди.

– Что ты делаешь? – в голосе Ларса слышалось волнение.

– Я не хочу ждать свадьбы, – томно ответила я. – Давай сделаем это сейчас.

– Первая брачная ночь для нас должна стать чем-то особенным.

– Она и будет особенной, – мои шаловливые пальцы уже пробирались к ремню ларсовых брюк, опыта мне катастрофически не хватало, но я старалась. – Первой и брачной. А сегодня будет особенный день, а потом вечер и еще ночь – нам с тобой придется наверстывать все месяцы воздержания.

Застежка ремня была с секретом, я никак не могла нащупать кнопку фиксации. Пояс целомудрия какой-то!

Я чертыхнулась и в раздражении сдула со лба челку. Врешь, не уйдешь!

– Даша!

– Одну секунду...

– Малыш, – твердые ларсовы руки взяли меня за плечи и слегка отстранили. – Подожди, любовь моя, нам надо поговорить.

В моем негромком стоне было все разочарование мира.

– О чем?

– Я не могу!

Осторожно, будто я была полным до краев сосудом, и он боялся расплескать содержимое, Ларс пересадил меня на свободный стул.

– Я должен был давно тебе признаться...

Он замялся, с трудом подбирая слова, смутился, румянец окрасил обычно снежно-белые скулы.

– Помнишь, ты когда-то убедила принца Эмбера, что он не может испытывать сексуального желания к полукровкам?

– Что? – я тряхнула головой, прогоняя рассеянность, дышала я тяжело, в висках колотила кровь. – Нет. Да, кажется...

Я вскочила со стула и побежала в кухонную зону, в забитом под завязку холодильнике отыскала бутылку минеральной воды, резко свернула пробку и только когда ледяные пузырьки обожгли мой пищевод, смогла привести в порядок разбегающиеся мысли.

– Уфф... Да, помню. У принца проснулось неодолимое влечение, и я использовала голос сирен, чтоб... Ну чтоб он передумал. В рукопашную у меня против паладина Лета шансов не было, так что мне пришлось.

– Принц еще долго испытывал отвращение к постельным утехам, – грустно улыбнулся Ларс. – А потом, видимо, решил тебе отомстить.

– Каким образом? – в бутылке не осталось воды, и я забросила пустую тару в мусорное ведро.

С двух метров, между прочим, забросила. И попала, несмотря на дрожащие руки.

– Ты же знаешь, что магическое владение другим существом подразумевает возможность влияния на него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korostyshevskaya_tat-yana/veschaya-ptica-po-bedy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)